

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
«Юридический» институт
Кафедра «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой,
к.ю.н., доцент

_____ И.М. Беляева
_____ 2017 г.

Понятие и формы вины

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ» (НИУ) – 40.03.01.2017.531. ВКР

Руководитель работы,
доцент кафедры
_____ Н.И. Щипанова
_____ 2017 г.

Автор работы,
Студент группы Ю-531
_____ В.С. Кудряшов
_____ 2017 г.

Нормоконтролер, преподаватель
_____ Д.В. Бирюкова
_____ 2017 г.

Челябинск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ	
1.1 Генезис понятия и содержания вины в уголовном праве.....	8
1.2 Проблемные аспекты института вины в уголовном праве России...	42
2 ФОРМЫ ВИНЫ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ	
2.1 Формы вины в уголовном праве России.....	62
2.2 Формы вины в уголовном праве зарубежных стран	82
2.3 Влияние форм вины на квалификацию преступлений против личности и общественной безопасности.....	92
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	125
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	131

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В уголовном праве существуют не только проблемные вопросы, которые ставят перед наукой уголовного права практические работники, но и проблемы которые присущи самой уголовно-правовой теории. Поиск решения теоретических проблем является актуальным всегда. Так как без разработки вопросов, продиктованных самой наукой, уголовное право перестанет представлять ценность и, по сути, будет сведено к неэффективному в правоприменительной деятельности уголовному кодексу, содержащему отдельные понятия, который регулирует отдельные конкретные правовые ситуации. Ярким тому примером является неоправданное на наш взгляд введение в уголовный кодекс новых видов мошенничества.

Помимо этого от степени научной разработанности отдельных институтов уголовного права зависит и стабильность уголовного законодательства.

Первостепенное место среди правовых проблем занимает институт вины в уголовном праве. Сложность изучения института вины обусловлено тем, что категория «вина» имеет не только уголовно-правовое, но и психологическое, философское, социальное содержание.

Помимо этого, изученные нами в процессе написания настоящей работы материалы судебной практики с одной стороны, говорят о том, что не у всех работников судебной системы и правоохранительных органов сформировано достаточно ясное представление относительно субъективной стороны состава преступления и института вины в целом, с другой стороны они еще раз подтверждают необходимость дальнейших фундаментальных научных разработок в сфере изучения института вины в уголовном праве.

Необходимо сказать также и о том, что большинство литературы, посвященной вопросам вины в уголовном праве, относится к прошлому столетию. Новые научные разработки немногочисленны и, как правило, в

них рассматриваются отдельные проблемные моменты, связанные с названным институтом.

Сказанное, на наш взгляд, в полной мере объясняет актуальность такой темы исследования, как «Дискуссионные вопросы вины в уголовном праве России».

Объект дипломной работы – понятие вины, ее форма, особенности законодательного закрепления института вины.

Предмет дипломной работы – нормы уголовного законодательства Российской Федерации, закрепляющие понятие вины, ее формы и виды, а также ответственность за преступления против жизни и здоровья и в сфере общественной безопасности.

Цель дипломной работы – теоретический анализ института вины, а также анализ вопросов связанных с реализацией на практике некоторых положений названного института.

Задачи дипломной работы:

- рассмотреть понятие и содержание вины в уголовном праве;
- проанализировать проблемные аспекты вины в уголовном праве России;
- изучить формы вины в уголовном праве России;
- рассмотреть действие принципа вины в процессе квалификации некоторых преступлений.

Результаты дипломной работы имеют практическую значимость, содержат выводы, предложения по совершенствованию норм уголовного законодательства.

Изложенные в работе выводы, и результаты изучения проблемных вопросов могут быть полезными в деятельности практических работников.

1 ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

1.1 Генезис понятия и содержания вины в уголовном праве

Представления о виновности субъекта, причинившего зло, у наших далеких предков было следующим: под виною понимался сам факт причинения вреда. Наличие материального ущерба, т.е. вреда, который был предметно (физически) осязаем, являлось основанием для преследования того, кто причинил его. Он же являлся и основанием и для определения степени вины. Данный вывод был сделан нами на основании законодательных актов того времени. Например, гл. 22 Соборного уложения 1649 г. называлась «Указ, за какие вины кому чинить смертную казнь, и за какие вины смертью не казнить, а чинити наказание».¹

Позднее объем вины и ответственности начинает соизмеряться с характером и размером нанесенного ущерба. В историю входит принцип талиона.

Таким образом, на первоначальном этапе психологическое отношение лица к содеянному значения не имело, а действовал принцип развития ответственности за вред. Для признания субъекта виновным было достаточно объективного факта причинения вреда. Этот принцип ответственности за вред получил название и вошел в историю уголовного права как принцип объективного вменения. В соответствии с ним под виною понималась объективная связь лица с причиненным вредом.

Объективное вменение встречается и в наши дни. Уголовное законодательство некоторых государств содержит положения, в соответствии с которыми становится возможным наказание лица, совершившего преступление на основании подразумеваемой вины. Такого рода объективное

¹ Козаченко, И.Я. Вина в уголовном праве / И.Я. Козаченко. – Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1993. – С. 18.

вменение называется «строгая ответственность». Так, современное английское и австрийское право допускает ответственность независимо от наличия или отсутствия вины за так называемые «абсолютные» преступления¹. Ответственность без вины допускается также по уголовному законодательству США. Элементами объективного вменения, несомненно, обладает и так называемая оценочная вина, принятая уголовным правом ФРГ и понимаемая как упрек суда лицу за неправильный выбор им поведения².

В нашей стране данная концепция также нашла свое отражение. Например, в первых декретах Советской власти не забывали упоминать о виновной ответственности, хотя ответственность без вины была реальностью и считалась выражением социальной справедливости. Основываясь на текстах этих декретов, А.А. Пионтковский имел формальные основания утверждать, что «советское уголовное право с первых дней существования строилось на принципе вины»³. Фактически же этого не было. Решающее основание принципа объективного вменения закладывалось в идеологизированное понятие преступления. По УК РСФСР 1926 г. преступление это общественно опасное действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее порядок, установленный Рабочее – Крестьянской Властью на переходный к коммунистическому строю период времени⁴. По УК РСФСР 1960 г.: «Преступлением признается предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность,

¹ Малиновский, А.А. Принципы уголовного права (сравнительно – правовой анализ) / А.А. Малиновский // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 4. – С. 21.

² Келина, С.Г. Принципы советского уголовного права / С.Г. Келина. – М: Наука, 1988 – С.110.

³ Пионтковский, А.А. Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. – М.: Юридическая Литература, 1961. – С. 306.

⁴ Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г.» от 22.11.1926 // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

личность, политические,, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса»¹.

Одним из первых советских ученых, кто разработал оценочную теорию вины, был Б.С. Утевский. Он в 1950 г. пришел к выводу, что «проблема вины – это проблема морально – политической оценки поведения. Виновное поведение – это поведение, получающее отрицательную оценку с точки зрения социалистической морали и социалистического права и служащее основанием уголовной ответственности»². Далее он утверждает, что кроме узкого понятия вины как элемента состава преступления существовало более широкое его понимание как основания уголовной ответственности, как «совокупности обстоятельств, заслуживающих, по убеждению советского суда, отрицательной общественной (морально – политической оценки) от имени социалистического государства»³. Согласно указанной концепции в понятие вины как основания уголовной ответственности входят следующие признаки: 1. совокупность объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих подсудимого, совершенное им преступление, последствия, условия и мотивы совершенного им преступления; 2. Отрицательная общественная (морально-политическая) оценка от имени государства всех этих обстоятельств; 3. Убеждение суда, что действия подсудимого на основании этой оценки должны повлечь за собою уголовную, а не какую-либо иную (административную, гражданскую, дисциплинарную) его ответственность⁴.

Также сторонником оценочной теории вины являлся и А.Н. Трайнин. Он отмечал, что советская наука не ограничилась сведением виновности к формам виновности, к умыслу и неосторожности, которые были тщательно

¹ УК РСФСР от 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

² Утевский, Б.С. Вина в советском уголовном праве / Б.С. Утевский. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – С. 10.

³ Утевский, Б.С. Там же.– С. 59.

⁴ Утевский, Б.С. Там же. – С. 103.

разработаны в дооктябрьской литературе. Она, кроме того внесла момент материальный, рассматривая вину не только как родовое понятие психических отношений преступника к преступному результату (умысла и неосторожности), но и как основание их отрицательной оценки. Развивая данную мысль, А.А. Герценоз дает следующее определение понятия вины: «Вина есть юридическая характеристика отношения субъекта к своим преступным действиям и их последствиям и вместе с тем общественная оценка его поведения». По мнению В.Г. Макашвили, вина есть «порицаемое, осуждаемое социалистическим обществом психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному поступку»¹.

Г. В. Назаренко, проводя свое монографическое исследование проблемы вины в уголовном праве, обосновывал необходимость нормативного подхода к вине. На основе анализа работ философов, психологов, зарубежных и отечественных специалистов по уголовному праву автор приходит к выводу, что «содержание вины включает в себя все фактические обстоятельства дела, которые нашли свое отражение в психике субъекта преступления и характеризуют его противоправное поведение»².

С. Складаров пишет: «Вина есть оценка судом степени осознания лицом факта, что его действия (бездействия) нарушают общепринятые правила поведения либо, что оно пренебрегает мерами предосторожности при совершении действий (бездействия), могущих нанести вред окружающим, и степени предвидения им наличия возможности такого предвидения причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам»³.

¹ Пинчук, В.И. Вина: Учеб пособие / В.И. Пинчук. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского юридического ин-та Ген. Прокуратуры РФ, 1998. – С. 5.

² Назаренко, Г.В. Вина в уголовном праве / Г.В. Назаренко // Известия ВУЗов. Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 157.

³ Складаров, С. Проблемы определения понятия вины в уголовном праве России / С. Складаров // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 74.

Взгляд на вину как на психологическое отношение субъекта к вредному результату своего деяния знаменовал появление нового этапа в процессе формирования понятия вины.

Яркими представителями психологической концепции вины стали: М.Ф. Владимирский – Буданов, С. Барышев, С.В. Познышев, Н.Д. Сергиевский. Например, С.В. Познышев под виною в уголовном праве понимал: «проявленное субъектом такое настроение, при котором он действует преступным образом сознавая, или, по крайней мере, имея возможность сознать преступный характер своего поведения и находясь в таких обстоятельствах, что мог бы от данного поведения удержаться, если бы у него не были недоразвиты противодействующие последнему чувствования и представления»¹. Н.С. Таганцев высказал следующую мысль: «лицо, обладающее способностью ко вменению, тогда только учиняет преступное и наказуемое деяние, когда оно в этом деянии проявляет или имеет возможность проявить эту способность, когда совершенное посягательство стоит в известном соотношении с сознанием действующего, с его психической работой, предшествующей деятельности, проявляет его хотение или желание или волю»². По мнению А.Ф. Кистяковского, «то или другое участие воли субъекта в совершении известного преступного действия и в происхождении его последствия столь необходимы, что при отсутствии его, деяние, как бы оно не было вредно, может быть только по внешней форме тождественно с преступлением, но по своему внутреннему содержанию не иметь с ним ничего общего. Итак, только то правонарушение считается преступным и наказуемым, которое совершено субъектом по своей воле, словом, с желанием именно его совершить»³.

¹ Познышев С.В. Основные начала уголовного права / С.В. Познышев. – М.: Издание А.А. Карцева, 1912 г. – С. 266.

² Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Т. 1 / Н.С. Таганцев. – Тула: Автограф, 2001 – С. 452, 453.

³ Векленко, С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко. – Омск: Омская академия МВД России, 2002. – С. 37.

Основы же такого понимания вины в уголовном праве заложила римская классическая школа, выработавшая первое понятие «психологической» вины – умысла, под которым понимались случаи, когда действующий субъект желал преступного результата. В рамках данной концепции стали развиваться волевая теория вины и теория представления. Они легли в обоснование умысла как формы вины.

Однако, сторонники этих двух теорий не смогли обосновать неосторожную форму вины не выходя за рамки психологической концепции.

Таким образом, дальнейшее развитие теории вины не могло осуществляться исключительно на базе психологического содержания вины. Это, в свою очередь, породило новые уголовно – правовые течения. Начинаясь период перехода к трактовке социальной сущности вины.

В связи с изменением социальных условий жизни общества произошла трансформация представлений о преступлении. Исследуя преступность, социологи пришли к выводу, что она зависит от общественных условий. В связи с этим преступление стали рассматривать как действие, обусловленное социальными факторами. В соответствии с этим изменились и представления о вине. Русские дореволюционные криминалисты дополнили понятие вины социальными признаками, тем самым углубив его.

Л.Д. Гаухман, определяя содержание социальной сущности вины, пишет следующее: «социальное содержание вины базируется на материальном определении преступления как виновно совершенном общественно опасном деянии, запрещенным уголовным законом под угрозой наказания. Такое содержание заключается в том, что вина представляет собой психическое отношение лица не к любым своим деяниям и их последствиям, а только к общественно опасным, запрещенным уголовным законом под угрозой наказания. Совершая преступление, лицо виновно проявляет отрицательное

психическое отношение к социальным ценностям общества»¹. В. Филимонов, проводя анализ проблем учения о вине, отмечает: «Лицо в процессе совершения умышленного преступления дает оценку социальной значимости своих действий. Невозможно представить себе человека, который бы, умышленно совершая общественно опасное деяние, не имел бы мнения о социальном содержании своего поведения. В вине действительно выражается антисоциальное отношение лица к общественным ценностям. Отрицать это – значит выхолащивать из вины ее социальное содержание и представлять ее как чисто психологическое образование. Но тогда мы не сможем увидеть разницу, например, между виной в умышленном убийстве и психическим отношением лица к лишению жизни в состоянии необходимой обороны, так как и в том и в другом случае лицо предвидит наступление смерти, желает или сознательно допускает ее наступление. Не будет принято во внимание и то, что при убийстве лицо сознает общественно опасный характер своих действий, а в случае необходимой обороны считает их общественно полезными. Сознание же общественной опасности действий, равно как сознание их общественной полезности, не может сформироваться без их предварительной социальной оценки. Необходимо помнить, что мы ведем речь о вине в преступлении, а не об отношении лица к каким – то другим действиям и их последствиям»².

В основу теории социального содержания вины было положено психическое отношение к преступлению, при этом особо выделялся такой признак, как осознание противоправности деяния³. На сегодняшний день социальная сущность вины заключается в том, что при раскрытии содержания ее форм, мы используем такие признак как: осознание

¹ Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М: ОАО ЦентрЮрИнфор, 2003. – С. 145 –146.

² Филимонов, В. Теоретические проблемы учения о вине / В. Филимонов // Уголовное право. – 2004. – № 9. – С. 70.

³ Таганцев, Н.С. Указ. соч. – С. 585 – 586.

общественной опасности деяния, предвидение наступления общественно опасных последствий.

По этому поводу возник вопрос: а не надо ли включить в интеллектуальный элемент умысла и неосторожности еще и противоправность деяния?

Некоторые ученые отмечают, что противоправность есть юридическое выражение общественной опасности. Однако в реальности четкий и понятный термин «противоправность» подменяется неопределенным и ситуационно – оценочным термином «общественная опасность». Замена признака сознания общественной опасности на сознание противоправности – это реальный путь к преодолению имеющихся элементов объективного вменения¹.

Большинство ученых, так же как и законодатель, придерживаются иной позиции. Например, С.В. Складов отмечает, что «замена признака «общественная опасность» признаком «противоправность» не решит проблему формирования четкой системы вины в УК РФ»²; А.И. Рарог подчеркивает, что «осознание общественной опасности деяния не следует отождествлять с осознанием его противоправности»³; по мнению Козаченко «осознание противоправности деяния – это лишь формальный момент, оно не раскрывает социальную сущность преступления и вины»⁴.

Мы так же полагаем, что включение термина «противоправность» будет излишним, так как законодатель использует такую юридическую технику при конструировании состава преступления, которая позволяет при толковании нормы считать, что понятие общественная опасность одновременно охватывает и понятие противоправности. В пользу этого

¹ Лунеев, В.В. Субъективное вменение / В.В. Лунеев. – М.: Спарк, 2000 – С. 50.

² Складов, С.В. Вина и мотивы преступного поведения / С.В. Складов. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2001 – С. 28.

³ Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений / А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2006 – С. 63.

⁴ Козаченко, И.Я. Указ. Сочин. – С. 15.

положения говорит и то, что противоправность как признак преступления сегодня является формальным выражением общественной опасности. Кроме того, многие составы Особенной части УК сформированы таким образом, что привлечение лица к уголовной ответственности не возможно при отсутствии осознания противоправности.

Поиск социальных причин преступности привел многих западных криминалистов на путь отказа от понятия вины при обосновании уголовной ответственности. Учение о виновной ответственности было предложено заменить теорией опасного состояния, согласно ей вина лица за совершенное деяние подменяется опасностью личности как таковой, а само деяние воспринимается как проявившийся симптом опасного состояния, основы которого были разработаны в свое время Ч. Ломброзо.

Вопрос о значении «опасного состояния» оживленно обсуждался как национальными группами международного союза криминалистов, так и на международном конгрессе в Брюсселе, в 1910 г., и породил массу противоречий.

В отечественной уголовно – правовой и криминологической литературе теория опасного состояния беспощадно критикуется. На наш взгляд это не всегда справедливо. Как совершенно верно заметил В.В. Лунеев «в то же время и в нашей теории, и в законодательстве были и остаются институты рецидива преступлений, который близок к прежнему понятию особо опасного рецидивиста, институт неоднократности и судимости; при назначении наказания преследуется цель исправления осужденного и предупреждение новых преступлений; при освобождении от уголовной ответственности используется юридически значимый термин «лицо перестало быть общественно опасным»; судом применяются медицинские меры принудительного характера, если лицо представляет опасность по своему психическому состоянию»¹.

¹ Лунеев, В.В. Указ. Сочин. – С. 11.

По поводу института судимости судья КС РФ Н.В. Витрук выразил особое мнение: «Наличие судимости у лица, согласно УК РФ, порождает его особые уголовно – правовые отношения с государством: при совершении этим лицом нового преступления судимость служит основанием для дополнительных уголовно – правовых обременений. Судимость является необходимым условием признания данного преступления рецидивом, одним из критериев определения неоднократности, самостоятельным квалифицирующим признаком преступления. Объясняется это тем, что совершение нового преступления в установленные законом сроки после отбытия наказания свидетельствует о «повышенной опасности такой личности», что уже само по себе повышает степень общественной опасности последующего преступного поведения лица и поэтому предполагает применение к нему более строгих мер уголовной ответственности и наказания. Судимость как качественная уголовно – правовая характеристика «состояния личности», повышая степень общественной опасности ее поведения, может существенно влиять на уголовно – правовую характеристику конкретных составов преступлений, их квалификацию и на усиление наказания, ужесточая тем самым уголовную политику и практику»¹.

Названные институты в той или иной мере вытекают из фактического признания общественной опасности личности и вполне укладываются в теорию общественной опасности личности преступника, которая давно разрабатывается в нашей стране². Данная теория не идентична теории опасного состояния, но и у той и у другой одна и та же фактическая база – общественно опасная личность.

¹ Постановление КС РФ от 19.03.2003 № 3 – П. Особое мнение судьи КС РФ Витрука Н.В. // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 3.

² Филимонов, В.Д. Общественная опасность личности преступника / В.Д. Филимонов. – Томск, 1970. – С. 117; Сахаров, А.Б. Об антисоциальных чертах личности преступника / А.Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1970. – № 10. – С. 115.

В 30 – х гг. XX в. на базе психологической теории вины сложилась целая концепция субъективного вменения. Ее основоположником и разработчиком считается И.О. Пионтковский.

Концепция субъективного вменения предполагает привлечение лица к уголовной ответственности за деяние и его последствие, если установлена личная вина этого лица. Границы и условия применения принципа вины регулируются главой 5 Общей части и многими нормами Особенной части УК РФ.

Принцип субъективного вменения очень важен и значим. На нем базируется справедливое назначение наказания, он является предпосылкой применения не только норм Особенной части УК РФ, но и ряда институтов Общей части. Например, законодательное определение института соучастия также базируется на субъективном вменении.

Предлагаем этот вопрос рассмотреть подробнее, поскольку институт соучастия в преступлении представляется нам одним из наиболее сложных и противоречивых в правоприменительной деятельности. Еще Е.Г. Колоколов, исследуя данную проблему, отмечал, что соучастие является венцом общего учения о преступлении и считается труднейшим разделом уголовного права¹. В определенной мере можно считать, что это обусловлено недочетами законодательного регулирования, однако законодательная конструкция формируется под влиянием теоретических воззрений на природу соучастия².

Субъективные признаки соучастия включают в себя единство умысла соучастников. Одним из основополагающих принципов уголовного права является закрепленный в ст. 5 УК принцип вины, согласно которому лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в

¹ Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.С. Комиссарова. – СПб.: Питер, 2005. – С. 244.

² Минькова, А.М. Концептуальные основы учения о соучастии / В.Т. Гайков, А.Г. Ишимбаева // Актуальные проблемы уголовного права (часть общая): сб. науч. тр. – Ростов н/Д, 2006. – С. 321.

отношении которых установлена его вина¹. Применительно к институту соучастия вина, а точнее, умысел, является тем самым объединяющим началом психического отношения исполнителя и иных соучастников к совместно содеянному. Так, при рассмотрении конкретного уголовного дела суд указал в судебном акте, что «действие или бездействие, хотя и способствовавшие объективно преступлению, но совершенные без умысла, не могут рассматриваться как соучастие»². Отсюда следует вывод о том, что без осведомленности о совместном совершении преступления не может быть и речи о соучастии. Вместе с тем по вопросу о характере такой осведомленности, а именно о характере субъективной связи между исполнителем и другими соучастниками, в юридической литературе отсутствует единое мнение. Самый важный аспект при решении данной проблемы – установить, предполагает ли соучастие обязательное знание исполнителя о преступных действиях его сообщников или нет.

Русские юристы, занимавшиеся проблемами соучастия, в подавляющем большинстве считают, что при такой форме соучастия, как соисполнительство, требование относительно взаимной осведомленности о преступной деятельности других лиц, участвующих в совершении преступления, является обязательным. Т.е. соучастники должны быть осведомлены о преступной деятельности друг друга и сознавать тот факт, что они совместными усилиями добиваются одного и того же преступного результата.

Что же касается более сложных форм соучастия то мнения ученых по данному вопросу разделились.

Одни считают, что для признания преступления, совершенном в соучастии достаточно будет и односторонней субъективной связи между

¹ Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ // Собрание Законодательства. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

² Кузнецова, Н.Ф. Курс уголовного права в пяти томах. Том 1. Общая часть / Н.Ф. Кузнецова, И.М. Тяжкова. – М.: Зерцало, 2002. – С. 353.

исполнителем и другими соучастниками. Так, по мнению Ф.Г. Бурчака, Б.А. Куринова, Г.А. Кригера, В.С. Комисарова, А.П. Козлова при сложной форме соучастия достаточно того, «что подстрекатель и пособник знали о преступлении, которое готовился совершить исполнитель, и сознательно подстрекали и способствовали его совершению. Что же касается требования осведомленности исполнителя о деятельности подстрекателя, пособника и организатора, то такое условие не вытекает из юридической природы института соучастия». Исходя из достаточности односторонней субъективной связи между соучастниками, сторонники этого мнения допускают возможность «замаскированного», «тайного» подстрекательства или пособничества о котором исполнитель даже не знает.¹ Так, например, А., знающий, что Б. для совершения преступления необходимы деньги, посылает их ему так, что Б не знает, от кого он их получил. Получив деньги, Б. совершает преступление. По мнению, М.Д. Шаргородского А. будет являться пособником в совершении преступления².

Другие ученые считают, что «для соучастия необходимо сознание каждого участника, что он действует не в одиночку, а совместно с кем - либо»³; «действия лица, присоединяющегося к исполнителю без его ведома, означают, по сути, умышленное создание условий преступления, то есть приготовление к преступлению»⁴. Одним из наиболее видных сторонников этого подхода является М.И. Ковалев, который придерживается позиции акцессорной природы соучастия, в соответствии с которой «если исполнитель не сознает преступной деятельности подстрекателя и оказывается лишь простым инструментом в его руках, то ни тот, ни другой

¹ Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений / А.И. Рарог. – М.: ТК Велби, 2006. – С. 113.

² Шаргородский, М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский. – СПб.:Юридический Центр Пресс, 2004. – С. 530.

³ Шнейдер, М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву / М.А. Шнейдер. – М.: ВЮЗИ, 1958. – С. 27.

⁴ Тельянов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельянов. – М.: Юридическая литература, 1974. – С. 52.

не могут считаться соучастниками одного преступления.... То же самое можно сказать и о пособнике...»¹. Близок к М.И. Ковалеву в своих воззрениях и И.Я. Козаченко: «... если исполнитель не сознает преступной деятельности подстрекателя, а выступает в качестве простого орудия в руках подстрекателя, то ни тот ни другой не могут считаться соучастниками одного и того же преступления. Независимо от ответственности исполнителя подстрекатель в данном случае должен рассматриваться как посредственный причинитель. То же самое можно сказать и о пособнике»². На необходимость осведомленности соучастников об их взаимных действиях и намерениях как обязательного признака соучастия указывает и Л.Д. Гаухман: «Соучастие исключается как в тех случаях, когда исполнитель не осознает, что он совершает преступление совместно с другими лицами, так и тогда, когда эти другие лица, действия которых находятся в причинной связи с совершением преступления, не знают о его преступных последствиях и намерениях»³.

Большинство современных авторов также придерживается позиции двухсторонней субъективной связи – «... сознание любого лица, совершающего умышленное преступление, включает в себя прежде всего знание этим лицом фактических обстоятельств своего поведения. Коль скоро любое лицо, совершая любой поведенческий акт, сознает его фактическую сторону, то естественно было бы предположить, что лицо, совершая преступление в соучастии, сознает два фактических обстоятельства. Первое – это то, что он совершает конкретный поведенческий акт. Второе – это то, что он совершает данный поведенческий акт не один»⁴.

¹ Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении / М.И. Ковалев. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – С. 69 – 70.

² Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. И.Я. Козаченко. – М.: Норма, 2004. – С. 235.

³ Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М.: Инфра-М, 2003. – С. 194.

⁴ Кухтина, Т.В. К вопросу о признаках соучастия / Т.В. Кухтина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право» – 2009. – № 40. – С. 60.

Нам также представляется, что соучастие, как его определяет действующий закон, с его односторонней субъективной связью между исполнителем и другими участниками вряд ли возможно. Согласно УК РФ соучастием признается только умышленная совместная деятельность, т.е. деятельность согласованная. При отсутствии согласованности такая деятельность не является совместной. Однако, считаем важным отметить и то, что если бы в уголовном законе соучастие и соисполнительство разграничивались, так как это например было сделано в немецком уголовном праве, где соучастие можно понимать как второстепенное участие в каком – то чужом предосудительном деле, которое вершиться исполнителем, то можно было и признать наличие односторонней субъективной связи, потому что в таком случае исполнитель выводится за пределы соучастия.

Но, мы полагаем, что на сегодняшний день, нет нужды менять традиционное представление о характере субъективной связи между соучастниками и, соответственно, законодательное определение института соучастия, поскольку, во-первых, законодательное определение соучастия и его акцессорная природа не противоречат принципам субъективного вменения и индивидуальной ответственности, а во-вторых, позволим себе высказать следующее мнение – в тех случаях, когда в законе дается какое – либо определение институту Общей части, научная мысль должна от него зависеть и выработать концепции, которые наибольшим образом бы соответствовали этому определению, так как научная мысль претерпевает весьма быстрые изменения, а закон принимается на длительное время. Разумеется, авторы не настаивают на бесспорности последнего утверждения.

Но вернемся к дальнейшему рассмотрению принципа субъективного вменения, на который постоянно делают акцент высшие судебные органы нашей страны. Редкое постановление судебных инстанций обходилось без обращение к теме вины. Советская судебная практика четко и последовательно проводит в жизнь принцип виновной ответственности. В

Постановлении Пленума ВС СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» подчеркивалось: «Суды должны обратить особое внимание на тщательное исследование субъективной стороны совершенного преступления. Вредные последствия независимо от их тяжести могут быть вменены лицу лишь в том случае, если оно действовало в отношении их умышленно или допустило их по неосторожности». Эти положения конкретизируются и в ряде других руководящих разъяснений и решений по конкретным делам: «уголовное преследование не может иметь места, если обвиняемый не предвидел и не мог предвидеть наступивших последствий»; «лицо не может быть признано виновным в совершении умышленного преступления, если по делу установлено, что это лицо, будучи введено в заблуждение, не сознавало преступного характера своих действий»; «лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно не предвидело общественно опасных последствий своего действия или бездействия и по обстоятельствам дела не должно было и не могло этого сделать»¹.

Картина практически не изменилась и в период постреформенного развития уголовного законодательства. Так, в Постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам об убийстве» от 27 января 1997 г. отмечается необходимость установления по каждому делу об убийстве форм вины, мотивов и целей совершения деяния². В Постановлении Пленума ВС РФ закреплено положение о том, что: «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке»³.

На сегодняшний день на страницах печати достаточно остро обсуждается вопрос о том, возможно ли субъективное вменение в его чистом виде.

¹ Келина, С.Г. Указ. Сочин. – С. 114.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. – 09.02.1999. – № 24.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29.04.1996 // Российская газета. – 01.03.2007. – № 95.

Наибольшие разногласия среди специалистов вызывают соотношение субъективного и объективного начал. Например, Н.А. Беляев высказал следующую мысль: «Вина является субъективно – объективной категорией. Ее бытие исходит из детерминированной мысли человека, но выражается в реальном поведении, в котором реализуется упречное отношение лица к социальным ценностям, охраняемым уголовным законом»¹.

А. Арямов пришел к следующему выводу: «Семантическое значение понятия «вина» складывается из единства двух аспектов: внешнего и внутреннего.

Внешний аспект – аспект упрека, обвинения. По сути – это оценка чужого поведения с точки зрения своей системы ценностей. Именно этому аспекту соответствует доктрина «оценочной природы вины». Нельзя утверждать, что данная точка зрения чужда системе отечественного права в целом. Именно данным аспектом понимания вины активно пользуется российское уголовно – процессуальное право, особенно применительно к таким институтам как: обвинительное заключение, обвинение, вердикт присяжных о виновности и т. д. Рассуждения же о различном содержании термина «вина» в уголовном и уголовно-процессуальном праве, на наш взгляд, по большей части являются надуманными. В соответствии с правилами русского языка невозможно употребление омонимов в одной сфере человеческой деятельности, а уголовное право и уголовно – процессуальное право применяются в одной сфере – сфере борьбы с преступностью. Без внешнего обвинительного аспекта психологическая картина вины неполна. Следовательно, концепция «психологического понимания вины» является психологической лишь на половину.

Внутренний аспект – аспект покаяния. В этом аспекте вина действительно понимается как самооценка, т. е. психическое отношение лица к

¹Беляев, Н.А. Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / Н.А. Беляев. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. – С. 246.

совершенному им деянию. В основном, это соответствует ортодоксальной доктрине отечественного уголовного права. Но в связи с ее реализацией возникают проблемы. Например, психологические процессы, протекающие в сознании преступника, практически недоказуемы, а, следовательно, и не могут быть ему инкриминированы. Правоохранительные органы в своей реальной деятельности квалифицируют не то, что действительно знал и желал преступник, а то, что, по мнению следователя, дознавателя, суда знал и желал субъект, т. е. оценивают свои же собственные предположения. С точки зрения морали, вменять в вину другому лицу в качестве доказанного факта свои собственные домыслы – весьма упорно»¹.

Авторы статьи «Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве» обращают внимание на то, что в складывающейся правоприменительной практике существует немало случаев, связанных с выходом за рамки субъективного вменения и необходимостью реализации уголовной ответственности на основе объективного начала².

В качестве пограничных с позиции психологии и мало объяснимых с помощью принципа субъективного вменения выделяются преступления, совершенные в состоянии сильного алкогольного и наркотического опьянения. Вина обусловлена сознанием индивида, что и составляет основу всей теории виновной ответственности. Однако сознание лица, находящегося в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, вряд ли можно сравнить с сознанием человека, находящегося в нормальном состоянии. Употребление, например, алкоголя ведет к увеличению «психической и двигательной активности человека, затруднению концентрации внимания;

¹ Сабитов, Р.А. Вопросы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности / Р.А. Сабитов. – Челябинск: ЧГУ, 1998. – С. 146–148.

² Бавсун, М.В. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве / М.В. Бавсун, С.В. Векленко, М.Б. Фаткуллина // Известия вузов. Правоведение. – 2006. – № 4. – С. 126.

влечет переоценку своих возможностей, снижение самокритики»¹. При этом происходит торможение высших отделов центральной нервной системы (головного мозга): снижается качество центральных операций, способность осмысления и критического отношения к своему поведению. В случае сильного опьянения возможна утрата способности к целенаправленным двигательным актам, осмысленной речи т. д. самое главное для нас в перечисленных симптомах – снижение у лица возможности осмысленно подходить к реализации своих действий. Исходя из содержания принципа субъективного вменения, отсутствие осознанности в действиях лица, которое во всех случаях преступной деятельности (и как это очень часто происходит в случаях алкогольного или наркотического опьянения) должно влечь за собой освобождение от ответственности либо ее смягчение. По крайней мере, именно такой вывод следует из возникшего противоречия между принципом субъективного вменения и психическим состоянием лица, находящегося в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Но исходя из существующей позиции законодателя, ответственность за преступление наступает вне зависимости от того, в каком состоянии находилось лицо в момент его совершения. Никто не станет выяснять, что именно сознавал и желал человек в данное время, – этого и не требуется для признания его виновным. Важен сам факт совершения общественно опасного деяния. Потребность реализации уголовной ответственности в отношении лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, при отсутствии осознанности у них своих действий, всегда существовала. Однако говорить о том, что в данном случае реализация мер уголовной репрессии осуществляется на основе принципа субъективного вменения, было бы неверным. Безусловно, к ответственности такие лица

¹ Иванов, Н. Ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения / Н. Иванов // Законность. – 1998. – № 3. – С. 44 – 45.

должны привлекаться, но в ее основе при этом лежат начала целесообразности, а не субъективное вменение¹.

Основания утверждать о «смешанной» природе вины у нас есть и при решении вопроса о превышении пределов необходимой обороны. Решая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, авторы статьи «Применение законодательства о необходимой обороне и превышении ее пределов (по результатам обобщения следственной и судебной практике)» пришли к выводу, что «суды определяют не только психическое отношение лица к совершенному деянию, но и устанавливают соответствие или несоответствие средств защиты и нападения, характер опасности, угрожавшей обороняющемуся, его силы и возможности по отражению посягательства, которое могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и защищаемогося. Оценка судом объективных обстоятельств нападения является доминирующей по сравнению с психическим отношением лица к применяемой им защите. Не всегда выясняется, что лицо осознавало факт превышения и желало наступления последствий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства, что, несомненно, на практике ведет к объективному вменению»². Д. Гарбатович, анализируя природу вины при превышении пределов необходимой обороны, отмечает следующее: «когда суд решает вопрос о наличии в действиях лица превышения пределов необходимой обороны, он учитывает отношение самого лица к содеянному, что основано на «концепции психологической природы вины», а также принимает во внимание собственную оценку случившегося. Именно это и характерно для

¹ Бавсун, М.В. Указ. Соч. – С. 126.

² Мастинский, М.З. Применение законодательства о необходимой обороне и превышении ее пределов (по результатам обобщения следственной и судебной практике) / М.З. Мастинский, Д.Е. Семенов, Е.Ю. Юшкова, Ю.Н. Юшков // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 86.

«школы оценочного понимания вины»¹. Таким образом, действительная сущность вины при превышении пределов необходимой обороны представляет собой результат взаимодействия «психологической» и «оценочной» концепций вины, что, по нашему мнению, дает основание утверждать о «смешанной природе вины» в таких случаях.

Сказанное подтверждается и судебной практикой.

В 2002 г. Е.В. Кобзева и Н.А. Лопашенко провели исследования по поводу законодательного использования оценочных признаков в уголовном законе. Ими было опрошено 123 эксперта. В качестве респондентов выступили 43 доктора юридических наук, 61 кандидат юридических наук, 19 начинающих ученых. Размышляя над вопросом: «Считаете ли Вы возможным использование оценочных признаков в Общей части УК РФ?» – большинство ученых сочли необходимым ответить утвердительно (79 ученых, среди которых А.С. Горелик, Н.Г. Иванов, М.И. Ковалев, А.И. Коробеев). Отрицательный ответ был получен от 34 респондентов (И.Я. Козаченко, В.С. Комиссаров, Л.И. Романова). Некоторые авторы (Н.Ф. Кузнецова, В.П. Малков, С.В. Векленко), давая в целом положительный ответ, отмечают, вместе с тем нежелательность его практического осуществления.

В развитие предыдущего вопроса в анкете был сформулирован еще один: «При описании какого из признаков состава преступления использование оценочных понятий принципиально недопустимо?». В результате были получены следующие ответы: субъект преступления (А.С. Горелик, А.И. Коробеев); общественно опасное деяние (В.В. Лунеев, А.И. Марцев); потерпевший (И.Я. Козаченко, В.С. Комиссаров, Н.Ф. Кузнецова); предмет преступления (В.П. Малков); общественно опасные последствия; мотив и цель преступления (А.И. Рарог). Некоторые авторы считают, что таких признаков состава преступления не существует. «Оценочные понятия, –

¹Гарбатович, Д. Природа вины при превышении пределов необходимой обороны / Д. Гарбатович // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 20.

отмечает П.Н. Панченко, – допустимы при описании любых признаков состава преступления»¹.

Итак, как показали результаты данного опроса, при описании такого признака состава преступления как вина использование оценочных признаков возможно, но такое использование, по мнению ученых, необходимо сделать минимальным.

Таким образом, несмотря на то, что объективное вменение противоречит закону, оно все – таки существует и выполняет важную роль в уголовно – правовом регулировании. А.И. Марцев в своей работе «Общие вопросы учения о преступлении» высказывает следующую мысль: «искоренение «лазеек» для объективного вменения законодательным путем вполне возможно, но в таком случае не будет торжествовать социальная справедливость, поскольку появится «отдушина» для уклонения от уголовной ответственности значительного числа лиц, совершивших преступления»². Продолжая развивать эту мысль М.В. Бавсун и А.И. Марцев говорят следующее: «Отрицать реальное существование в действующем УК объективного вменения достаточно сложно. Оно, безусловно, должно быть в большей степени ограничено рамками закона, законодатель обязан стремиться к тому, чтобы ограничить возможность применения объективного вменения, но пока следует признать, что действующее уголовное законодательство не позволяет действовать на началах строгой законности. В основе субъективного вменения лежат начала целесообразности».³

Следовательно, некоторые ученые говорят о вменении в общем и в целом, т. е. вменение представляется им как исходное положение, имеющее субъективно – объективное содержание.

¹ Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: результаты экспертного опроса / Е.В. Кобзева, Н.А. Лопашенко // Известия Вузов. Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 95 – 97.

² Марцев, А.И. Общие вопросы учения о преступлении / А.И. Марцев. – Омск: Омский юрид. институт МВД России, 2000. – С. 38 – 39.

³ Бавсун, М.А. Целесообразность в уголовном праве / М.А. Бавсун, А.И. Марцев // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 104.

Интересно отметить, что уголовное право большинства цивилизованных государств также базируется на принципе субъективного вменения.

В странах континентальной системы наличие вины является обязательным условием наступления уголовной ответственности и назначения наказания. Так, УК Германии прямо определяет «вина лица, совершившего деяние, является основанием для назначения наказания»¹, аналогичное положение содержится в УК Австрии – «основанием для назначения наказания является вина лица, совершившего деяние»². Отметим, что в Германии принцип виновной ответственности получил ранг конституционного. В решении Конституционного Суда ФРГ от 07 апреля 1998 г. сказано: «В области уголовного правосудия ст. 1 абз. 1 Основного Закона определяет сущность наказания и отношение между виной и возмездием. Принцип «никакого наказания без вины» имеет конституционный ранг; он находит свое основание в повелении уважать человеческое достоинство, так же, как в ст. 2 абз. 1 Основного Закона и в принципе правового государства»³.

В уголовных кодексах одних стран принцип вины прямо не оговаривается и вытекает из принципа запрета объективного вменения – «не подлежит обвинению всякое лицо, которое в момент совершения деяния находилось в таком состоянии рассудка, которое исключало его способность осознания значения деяния и волеизъявления»⁴.

Иногда, принцип вины вытекает из структурного построения самого уголовного закона. Примером является УК Узбекистана, где во втором

¹ Уголовный кодекс ФРГ / под ред. А.В. Серебренниковой. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. – С. 24.

² Уголовный кодекс Австрии / под ред. Н.Е. Крыловой. – М.: ИКД «Зерцало - М», 2001. – С. 21.

³ Жалинский, А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 76.

⁴ Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1253084>

разделе, который называется «Основания ответственности», расположена Глава 5 «Вина»¹.

В других странах принцип вины выделяется специально в качестве общего принципа уголовного закона. К таковым относится большинство стран СНГ. Например: «уголовной ответственности и наказанию подлежит лицо, только виновное в совершении преступного деяния, и лишь в случае, если во время совершения деяния с него можно было требовать поведения, соответствующего законам»², «уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступного деяния, то есть с умыслом (умышленно) или по неосторожности совершившее предусмотренное настоящим законом деяние, имеющее все признаки состава преступного деяния»³, «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния (действия или бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина»⁴.

В некоторых из стран СНГ принцип вины вытекает из принципа личной ответственности. Так, согласно ст. 6 УК Молдова, которая называется «Принцип личного характера уголовной ответственности», «лицо подлежит уголовной ответственности и уголовному наказанию только за совершенное виновно деяние. Уголовной ответственности и уголовному наказанию подлежит только лицо, совершившее умышленно или по неосторожности деяние, предусмотренное уголовным законом»⁵. В ст. 3 УК Кыргызстана

¹ Уголовный кодекс Узбекистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug

² Уголовный кодекс Литвы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877>

³ Уголовный кодекс Латвийской республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243424>

⁴ Уголовный кодекс Казахстана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1008032; Уголовный кодекс Таджикистана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://imom-mahdi.okis.ru/news.7587.html>

⁵ Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/331268/>

вместо принципа вины провозглашен принцип личной виновной ответственности¹. В российской доктрине, напротив, принцип вины включает в себя принцип личной ответственности.

В англо-американской правовой системе относительно принципа вины сложилась особая ситуация. В отличие от континентальной системы здесь существуют преступления, для которых виновность не является обязательным элементом. Ответственность за такие преступления получила название «абсолютной», или «строгой»². По общему правилу, такой вид ответственности применяется только в случаях, специально предусмотренных законом. Например, в ст. 22 (алеф) Закона об уголовном праве Израиля содержится следующая норма: «Лицо будет нести строгую ответственность за преступление, если в законодательном акте указано, что такое преступление не требует доказывания преступного замысла или небрежности»³. В США Примерный УК в качестве общего правила предусматривает, что лицо не может быть осуждено, если не доказана его виновность в отношении каждого материального элемента совершенного им деяния (ст. 2.02). поэтому строгая ответственность в виде исключения допускается только в двух случаях (п. 1 ст. 2.05): а) когда совершено незначительное посягательство (нарушение), караемое штрафом; б) если деяние предусмотрено не Кодексом, а другим статутом, в котором прямо выражена воля законодателя возложить строгую ответственность за его совершение. Указанные положения Примерного УК были восприняты в законодательстве не всех американских штатов, поэтому в некоторых из них рассматриваемый институт используется гораздо шире⁴.

¹ Уголовный кодекс Кыргызстана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup>

² Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / В.Н. Додонов. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2009. – С. 68.

³ Мацнев, Н.И. Закон об уголовном праве Израиля / Н.И. Мацнев. – СПб: Юридический центр пресс. – 2005. – С. 40.

⁴ Козочкин, И.Д. Строгая ответственность в уголовном праве Англии и США / И.Д. Козочкин // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 136–149.

Справедливости ради отметим, анализ уголовного законодательства и доктрин современных стран позволяет сделать вывод о том, что в большинстве стран принцип вины законодательно закреплён, но абсолютного характера он не носит, а ограничивается такими институтами как институт особо опасного рецидива (§23 УК Австрии – «Помещение в учреждения для опасных рецидивистов»), институт судимости (ст. 63 УК Латвии, глава 13 УК Литвы - «Судимость») хотя и в качестве исключительного вида наказания допускается смертная казнь (например, Германия). Более того, при раскрытии содержания форм вины некоторые интеллектуальные и волевые моменты презюмируются.

Таким образом, уголовное право не только России, но и других стран, стоит на распутье. Что же лучше – нормативная (оценочная) либо психологическая концепция вины? Безусловно, это трудный выбор, но его необходимо сделать, потому что двумя путями сразу идти не возможно. Мы предлагаем два решения – либо продолжать дальнейшую разработку психологической теории вины, которая на сегодняшний день не всегда соответствует уголовно – правовой реальности, либо остановиться на объективном вменении, которое составляет основу оценочной концепции. В первом случае мы не получим быстрого результата, а во втором мы будем привлекать к ответственности лицо за объективно совершенное, но субъективно не «охваченное» деяние.

На наш взгляд необходимо принимать решение, которое будет соответствовать принципу справедливости, а также способствовать развитию уголовно – правовой мысли, так как известно, что «когда заканчивается эпоха гениев, наступает эпоха правоприменителей».

К середине 50 – х гг. XX в. понятие вины прочно вошло в теорию и практику уголовного права, в 60 – х гг. самостоятельно определились понятия умысла и неосторожности, а в теории стали появляться разработки концепции преступлений совершенных с двумя формами вины.

В подавляющем большинстве случаев преступления совершаются с какой-то одной формой вины, но на сегодняшний день в теории уголовного права до сих пор ведутся дискуссии о существовании в теории уголовного права более сложных разновидностей форм вины, чем умысел и неосторожность.

Этот вопрос исследовался такими известными учеными как:

1. Н. С. Таганцев, который еще в 19 в. утверждал: «Оба вида виновности могут встречаться не только порознь, но и совместно. В последнем случае по общему правилу такое совпадение рассматривается как совокупность двух отдельных преступлений, так как все попытки признания при этих условиях особой переходной формы виновности отброшены и в доктрине, и в современных кодексах. Только в виде исключения при некоторых преступлениях подобная осложненная форма признается отдельным квалифицирующим признаком»¹.

2. Присоединяясь в принципе к такому выводу, С. К. Балашов считает необходимым добавить следующее: «1) учитывая определение законодателем четырех видов вины лица (прямой и косвенный умысел, легкомыслие и неосторожность), можем заключить, что квалификация совершенного преступления возможна по совокупности четырех, а не двух отдельных составов преступлений; 2) понятие двух форм и двух или более видов вины не является понятием «особой переходной формой виновности»; 3) учитывая, что при «сложной разновидности вины не всегда будет совокупность преступлений сначала все – таки необходимо разобраться с виной, а уж потом заниматься квалификацией преступлений», следует при этом строго следовать букве закона»².

3. А. П. Козлов полагает: «Смешанная вина заключается в том, что психическое отношение к деянию выражено в умысле, тогда как результатом – в неосторожности... Смешанная вина, на наш взгляд, является неременным

¹ Таганцев, Н.С. Указ. Соч. – С. 234.

² Балашов, К.С. К вопросу о видах и формах вины / К.С. Балашов // Российский Судья. – 2007. – № 1. – С. 24.

атрибутом любого неосторожного вида преступления, отраженного в уголовном законе, поскольку деяние в любом из них может быть совершенно умышленно. Даже, скорее всего, смешанная вина превалирует в так называемых неосторожных преступлениях... в уголовном законе нет ни одного вида неосторожного преступления, в котором не было бы смешанной вины... мы с необходимостью должны констатировать, что в любом виде неосторожного преступления «чисто» неосторожная вина менее значима, нежели смешанная, и на этой основе дифференцировать уголовную ответственность, т.е. увеличивать ее при смешанной вине»¹.

4. Ю. Е. Пудовочкин, раскрывая содержание субъективной стороны в составе преступления с двойной формой вины, пришел к следующим выводам: «Содержание субъективной стороны в таком составе может иметь различное сочетание умышленного и неосторожного: 1) прямой умысел в отношении первого последствия, легкомыслие в отношении второго. 2) прямой умысел в отношении первого последствия, небрежность в отношении второго. 3) косвенный умысел в отношении первого последствия, легкомыслие в отношении второго. 4) косвенный умысел в отношении первого последствия, небрежность в отношении второго»². Хотелось бы отметить, что именно эта модель используется большинством авторов учебных пособий при характеристике рассматриваемой темы³.

Сама идея, лежащая в основе концепции преступлений с двумя формами вины, в уголовно – правовой науке появилась еще в начале 19 века. Ее возникновение связывают с именем немецкого криминалиста П.А. Фейербаха. Именно он обратил внимание на способность человеческих

¹ Козлов, А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб: Юридический центр пресс, 2003. – С. 651.

² Пудовочкин, Ю.Е. Содержание субъективной стороны в преступлениях с двойной формой вины / Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права, 2000. – № 4. – С. 80.

³ Галиакбаров, Р.Р. Уголовное право. Общая часть / Р.Р. Галиакбаров. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. аграр. ун-та, 1999. – С. 162 – 163; Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова. – М.: Юнити-Дана, 1997. – С. 259 – 261.

действий, помимо желаемых, вызывать сопутствующие последствия с негативным со стороны субъекта к ним отношением.

Выступая против сохранения в уголовном праве понятия непрямого умысла (*dolus indirectus*), в соответствии с которым в умышленную вину лицу вменялись все последствия сознательно совершенного им действия. П. А. Фейербах отмечал, что бывают случаи когда «злое намерение и неосмотрительность вместе стекаются... существует злое намерение (*Dolus*) в рассуждении той цели, которой он достигнуть действительно хотел, а неосмотрительность (*Culpa*) в рассуждении следствия, произошедшего без намерения преступника из деяния, на другую противозаконную цель устремленного». Подобные случаи стечения умысла и неосторожности в одном деянии П. А. Фейербах назвал термином «неосмотрительность, определенная злым намерением» («*culpa dolo determinate*»).

Введение понятия «*culpa dolo determinate*» явилось результатом развития института вины. Предписывая устанавливать вину и в отношении действий, и в отношении всех последствий, которые вменяются лицу, оно было призвано не допустить объективного вменения, имевшего место при распространении понятия непрямого умысла на последствия, охватываемые не умыслом, а неосторожностью¹.

Долгое время концепция, которую предложил П. А. Фейербах, не получала практического применения в законодательстве. Несмотря на то, что в дореволюционном законодательстве отсутствовала специальная норма, раскрывающая содержание исследуемого понятия, уголовный закон предусматривал преступные деяния, субъективная сторона которых характеризовалась одновременно умыслом и неосторожностью.

Так, в ст. 1466 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. особо оговаривалась ответственность и наказание того, «кто, без

¹ Никитина, Н.А. Укрепление правопорядка и Борьба с преступностью. Преступление с двумя формами вины и действующее законодательство / Н.А. Никитина // Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 79.

намерения учинить убийство, дозволит себе какое – либо действие, противное ограждающим личную безопасность и общественный порядок постановлениям и последствиям онаго, хотя и неожиданным, причинится кому либо смерть». В теории уголовного права этого периода отсутствовало единое мнение по поводу того, какие деяния следует относить к категории преступлений с двумя формами вины, но так или иначе этот вопрос затрагивался в работах известнейших дореволюционных криминалистов¹.

В советские годы преступления с двумя формами вины как самостоятельная категория долгое время почти не исследовались. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., УК 1922 г, УК 1926 г. о преступлениях с двумя формами вины не упоминали, хотя в их Особенной части деяния, субъективная сторона которых характеризуется одновременно умыслом и неосторожностью, содержались. Так, в ст. 149 УК 1922 г. и ст. 142 УК 1926 г. предусматривалось наказание за причинение тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего².

В ходе разработки УК 1960 г., ученые стали активно обсуждать институт вины в целом, отдельные ее формы и проблемы. Такое внимание к субъективной стороне преступления отразилось и на исследовании преступлений с двумя формами вины. В литературе 1950 – 60-х годов учение о таких преступлениях получило наиболее полное развитие. Именно в этот период среди ученых – криминалистов активно дискутировались проблемы данной категории преступлений. На обсуждение были поставлены не только вопросы о том, какие деяния следует к ней относить и можно ли говорить о третьей форме вины, не укладывающейся в понятие умысла и

¹ Никитина, Н.А. Развитие понятия преступления с двумя формами вины / Н.А. Никитина // Правоведение. – 2007 – № 4 – С. 102.

² Постановление ВЦИК «О введении в действие УК РСФСР» от 01.06.1922 // СУ РСФСР. – 1922. – № 15.

неосторожности, но и вопрос о том, следует ли признавать за преступлениями с двумя формами вины право на существование.

Как показало изучение уголовного законодательства зарубежных стран, в большинстве из них нет норм об ответственности за преступления с двумя формами вины. Те УК, которые оговаривают особенности ответственности за преступления с двумя формами вины, далеко не всегда указывают на умышленный характер деяния в целом, так §18 УК ФРГ гласит: «Если за какое – либо особое последствие деяния закон предусматривает более суровое наказание, то оно касается исполнителя или соучастника только в том случае, если им относительно этого последствия вменяется в вину по меньшей мере небрежность». В §3 ст. 9 УК Польши сказано: «Винный несет более строгую ответственность, которую закон ставит в зависимость от определенного последствия запрещенного деяния, если это последствие он предвидел либо мог предвидеть». Речь о признании таких деяний в целом умышленными не идет. Но ряд государств включили в свои УК норму об ответственности за исследуемые преступления, установив при этом правило о том, что все деяние в целом следует оценивать как совершенное с одной формой вины. Такие нормы содержат УК Белоруссии, Грузии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана. И хотя статьи, предусматривающие это правило, носят разное название, во всех случаях предлагается деяние считать умышленным¹.

Действующий УК РФ 1996 г. установил правила ответственности за преступления с двумя формами вины, что явилось одной из существенных новелл и шагом в дальнейшем развитии принципа субъективного вменения. Однако, законодатель, регламентировав ст. 27 УК, устанавливающую ответственность за умышленные преступления, влекущие квалифицированные последствия, возможность наступления которых субъект мог предвидеть, но без достаточных к тому оснований самонадеянно

¹ Никитина, Н.А. Указ. Соч. – С. 104 – 105.

рассчитывал их предотвратить либо не предвидел, хотя мог и должен был, не только не решил вопросы, которые возникают на практике относительно этой ответственности, но и вызвал волну споров среди теоретиков. Это касается прежде всего положения о признании деяния в целом умышленным. Одни авторы поддержали законодателя¹, другие выразили свое несогласие с ним².

Таким образом, данная законодательная формула не позволила, к сожалению, провести четкую границу между формами вины в таких преступлениях, а это в свою очередь привело к ошибкам в правоприменении.

Так, при рассмотрении конкретного уголовного дела суд установил, что Б. решил выяснить свои взаимоотношения с З. и предложил А. и Р. поехать вместе с ним. После того как они нашли потерпевшего, Б. стал избивать его, а затем Б. и А. связали ему руки скотчем, вывели из квартиры, посадили в автомашину и привезли в дом Б. Во дворе дома в ходе разговора Б. решил убить З. Сделав петлю, он накинул ее на шею потерпевшему и при помощи А. и Р. Повесил З. на дереве. В результате механической асфиксии наступила смерть потерпевшего.

По приговору суда Б. и А. осуждены по п. «в» ч.3 ст. 126, пп. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а Р. – по ч. 5 ст. 33, пп. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Пунктом «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ предусмотрена ответственность за деяния, если они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия.

Как установлено судом, смерть потерпевшему причинена умышленно после его похищения, поэтому данные действия Б. и А. как непосредственных исполнителей обосновано квалифицированы по пп. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В связи с этим действия Б. и А. Президиумом ВС РФ переквалифицированы с п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ на п. «а» ч. 2 ст. 126 УК

¹ Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2003. – С. 134.

² Лунеев, В.В. Указ. Соч. – С. 56.

РФ, так как в этой части они должны нести ответственность за похищение потерпевшего, совершенное группой лиц по предварительному сговору¹.

По иному следует оценивать действия Г., который судом первой инстанции был признан виновным в умышленном причинении своей жене телесных повреждений, от которых наступила ее смерть, и осужден по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (ныне ч. 4 ст. 111 УК). Придя домой в нетрезвом состоянии и поссорившись на этой почве с женой, Г. Умышленно нанес ей удар ножом в область бедра, причинив тем самым тяжкое телесное повреждение, вызвавшее у потерпевшей острую кровопотерю. Никаких мер по оказанию помощи истекающей кровью женщине Г. не оказал. Вышестоящий суд переквалифицировал действия Г. По статье причинение смерти по неосторожности, указав в своем постановлении, что Г. не предвидел смерти потерпевшей. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ, напротив, пришла к выводу, что фактические данные свидетельствуют об умышленном причинении Г. потерпевшей тяжких телесных повреждений и его неосторожной вине по отношению к смерти жены.

Анализ литературы и судебной практики позволяет нам сделать следующие выводы по исследуемой проблеме:

1. Преступление, совершенное с двумя формами вины, есть система структурных элементов, которые в рамках единого психического процесса отражают качественно определенное сочетание умышленного отношения виновного к основному составу преступления и неосторожного – к производным от него последствиям. Такие последствия повышают общественную опасность содеянного, и за факт их наступления должна быть предусмотрена повышенная уголовная ответственность.

2. Наличие преступлений, совершаемых с двумя формами вины, основано на сочетании признаков умысла и неосторожности. Никаких других, кроме этих, форм вины в уголовном праве нет. В таких составах умысел и

¹ Постановление Президиума ВС РФ № 112 – П09. Обзор судебной практики ВС РФ за III квартал 2009 года // Бюллетень ВС. – 2010. – № 2. – С. 24.

неосторожность присутствуют в полном объеме, не смешиваясь и, не поглощая друг друга. Есть лишь различное отношение к деянию и к наступившим квалифицирующим последствиям, которое фиксируется в законе.

Так, после совместного распития спиртного осужденный С. И потерпевшая Я. На автомашине последней поехали кататься по городу. Находясь в автомашине, С. поссорился с Я. и нанес ей удар кулаком по голове, от которого она потеряла сознание. В результате действий С. потерпевшей были причинены телесные повреждения в виде ушиба головного мозга обеих затылочных долей, повлекшего кровоизлияние под мягкие мозговые оболочки затылочных долей и мозжечка, кровоизлияние под твердую мозговую оболочку. От полученных телесных повреждений Я. скончалась на месте. Действия С. квалифицированы Президиумом ВС РФ по ч.4 ст. 111 УК РФ, предусматривающую ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего.

3. Последнее предложение ст. 27 УК РФ сформулировано неточно. Преступления, о которых идет речь, являются умышленными не в целом, а лишь частично.

Необходимо уточнить формулировку ст. 27 УК с тем, чтобы ее содержание было более понятным в первую очередь для практических работников, поскольку действующая редакция этой нормы трудно понимается правоприменителем и неоднозначно трактуется в теории уголовного права.

4. Мы предлагаем ст. 27 УК скорректировать следующим образом

«Статья 27. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины

1. Преступлением, совершенным с двумя формами вины признается умышленное деяние лица, повлекшее тяжкие последствия, которые не

охватывались умыслом лица и в отношении которых его вина выражена в форме легкомыслия либо небрежности.

2. В целом последствия предусмотренные законом для умышленных преступлений распространяются и на преступления совершенные с двумя формами вины».

1.2 Проблемные аспекты института вины в уголовном праве России

В российской правовой традиции формирование учения о вине во многом связано с появлением учебной литературы по энциклопедии законоведения, изданием лекций профессоров и приват – доцентов по энциклопедии права и юридической догматике. В 1863 г. опубликована «Энциклопедия законоведения» доктора права Н.Ф. Рождественского, в которой анализируется, помимо прочих, такой элемент состава преступления, как вина. Вина, согласно позиции Н.Ф. Рождественского, это «отношение воли к законопреступному последствию, возникшему из деяния». В 1860-е гг. к проблеме понимания вины обратился М.Н. Капустин. Он рассматривал вину как основание для ответственности лица за совершенное им действие. Определенный вклад в понимании вины внес известный романист Д.Д. Гримм (1864 – 1941 гг.), который обратил внимание на то, что при оценке неправомерного действия нередко весьма важен вопрос о степени виновности лица. В 1908 г. опубликована книга «Введение в изучение права (Энциклопедия права)» ординаторского профессора Новороссийского университета Н.Е. Чижова, в которой, в частности, уделено внимание умыслу и неосторожности. В 1917 г. Ф.В. Тарановский опубликовал книгу «Энциклопедия права», в которой выделил субъективный элемент

правонарушения, обратил внимание на психику индивида, в том числе на мотивы его правомерного и неправомерного поведения, на его вменяемость.¹

Но необходимо отметить, что большая часть литературы, посвященной вине в уголовном праве, в основном относится к 50-70 годам прошлого столетия. Изучению понятия вины, сущности и значения вины посвятили свои работы такие видные ученые юристы как П.С. Дагель, А.Н. Рарог, Б.С. Утевский, Г.А. Злобин, Д.П. Котов и многие другие.

Среди немногочисленных новых разработок, анализирующих проблемы вины в соответствии с уровнем прогресса необходимо отметить таких авторов как М.И. Еникеев, И.Я. Козаченко, Е.А. Сухарев, В.И. Пинчук, В.В. Лунеев, С.В. Векленко.

Таким образом, развитие института вины в нашей стране прошло достаточно длительный период и было совершенно точно установлено, что проблема вины выходит за рамки уголовного права и даже права в широком понимании этого термина.

Вина является сложным феноменом, который изучается психологами, философами и юристами. Помимо этого, обыденный человек также на протяжении своей жизни хоть раз испытывает чувство вины, и оно для каждого из нас вполне естественно.

Для того чтобы ответить на вопрос, что же такое вина, какова ее сущность нами были проанализированы два подхода – научный и обыденный.

Философские исследования человеческой субъективности во главу угла при рассмотрении вины ставили возможность сознательного выбора между добром и злом. С позиции философской теории отражения, психика человека и все его психические процессы представляют собой отражение объективной действительности, окружающего мира, включая и социальные условия. «...Все, что побуждает человека к деятельности, – писал Ф. Энгельс, – должно проходить через его голову... Воздействия внешнего мира на

¹ Поцелуев, Е.Л. Понятие вины в российской дореволюционной энциклопедии права / Е.Л. Поцелуев // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2007. – № 5. – С .184 – 193.

человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявления воли, словом – в виде «идеальных стремлений», и в этом виде они становятся «идеальными».

«Невозможно рассуждать о морали и праве, – писал Ф.Энгельс, – не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой»¹.

Свобода воли, в философском понимании ее представляет собой способность личности определить свое поведение на основе познания объективной действительности, предвидеть последствия своих поступков и оценивать их с точки зрения требований морали и права.

Особого внимания при осмыслении философского понятия вины заслуживают исследования Б.П. Вышеславцева. Он отмечал, что «сознательная воля, выбор, решение начинаются там, где возникает конфликт эмоций и стремлений... необходим акт выбора, акт предпочтения, который отдает преимущество одному из конфликтных стремлений, одной из ценностей... сомневаться – значит стоять перед альтернативой «быть или не быть», которая может быть поставлена только свободному существу... сомневаться – значит утверждать свою свободу»².

Говоря об искуплении вины, Н.А. Бердяев утверждал, что грех не только должен быть осознан, но и должен сгореть в огне покаяния. Французский экзистенциалист Ж.П. Сартр в своих трудах подчеркивал, что человек, так как он свободен, может проецировать себя на свободно выбранную цель, и эта цель определит кем он является. Вместе с целеполаганием возникают и все ценности, вещи выступают из своей недифференцированности и организуются в ситуацию, которая завершает человека и к которой принадлежит он сам. Следовательно, человек всегда достоин того, что с ним

¹ Векленко, С.В. Сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2002. – № 6. – С. 129.

² Якушин, В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение / В.А. Якушин. – Казань: Издательство Казанского университета, 1988. – С. 7.

случается, и у него нет оснований для оправдания. Как утверждал философ – «человек есть не что иное, как ряд его поступков, что он есть сумма, организация, совокупность отношений, из которых составляются эти поступки»¹.

Это позволило современным философам сформулировать следующее понятие этого термина: вина – то, что достойно упрека, внутренняя причина которого заключена в том, что человек предопределен к свободному, ответственному, нравственному самоопределению и поэтому обладает способностью решать справедливо, выступая против несправедливого и избегая того, что запрещено. Побуждение поступать неправильно может овладеть человеком, способным к правильному действию, в том случае, если он не знает запретительных норм или недооценивает их.

В философском значении под виной понимается сложное психологическое состояние самоосуждения, раскаяния. Но в этом смысле вина е может входить в основание юридической ответственности, во-первых, потому что она положительна по своему содержанию, а во-вторых, потому что ее сугубо личностный характер е может быть в принципе познан, пережит во вне².

В уголовном праве свобода воли означает способность лица отдавать себе отчет в своих действиях, сознавать их фактическую сторону и общественную опасность. Она означает способность принимать решения со знанием дела и руководить ими, господствовать над нами самими и над внешней природой.

Иными словами, она означает вменяемость лица, его способность быть виновным и ответственным.

Вина, виновность лица в совершении преступления являются важнейшим признаком преступного деяния. Она играет огромную роль при назначении наказания. П.С. Дагель отмечал: «применяемая к невиновным лицам,

¹ Философский энциклопедический словарь / под ред. Е.Ф. Губского. – М.: ИНФРА – М, 1997. – С. 406.

² Нерсесян, В.А. Понятие и формы вины в уголовном праве / В.А. Нерсесян // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 72.

уголовная ответственность бесцельна и вредна....невиновное лицо не нуждается в исправлении и перевоспитании, наконец, на окружающих это может оказать лишь отрицательное воздействие»¹.

Психология имеет дело не с самим фактом вины, а чувством, т.е. эмоцией, которая следует за нарушением морального предписания². Например, Д. Ангер рассматривает вину как двухкомпонентную эмоцию. Первый компонент — вербальная реакция человека («Я не должен был делать этого!»), или раскаяние. В ее основе лежит негативное отношение к себе, самообвинение, связанное с осознанием либо совершенного проступка, либо нарушения собственных моральных принципов. Признание своей провинности («неправильного» поступка), неправоты или предательства своих убеждений порождает второй компонент — вегетативновисцеральную реакцию с целой гаммой мучительных и довольно стойких переживаний, преследующих человека: угрызения совести, сожаление о совершенном, неловкость (стыд) перед тем, кого обидел, страх потерять дорогого человека и печаль по этому поводу.

Обыденное понимание вины прослеживается из нашего опроса людей, которые имеют техническое образование. Так на вопрос – что же такое вина, нами были получены следующие ответы: вина – это отрицательное чувство, которое испытывает человек по отношению к какой – либо жизненной ситуации; вина – это ответственность человека за свое поведение; вина – это психологическое переживание, связанное с ощущением страха за совершенный поступок, в целом это негативное чувство, которое вызывает тревогу и подавленное состояние.

¹ Дагель, П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве / П.С. Дагель. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1968. – С. 12.

² Критический словарь психоанализа / под ред. С.М. Черкасова.— СПб.; Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1995. – С. 101; Белик, И.А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности : автореферат дисс. ... канд. психол. наук / И.А. Белик. – СПб., 2006. – С. 15.

Таким образом, сравнивая два подхода – обыденный и научный, мы можем сказать, что в обыденном сознании вина это причина чего то неприятного, иногда происходит отождествление вины и ответственности за какой – либо проступок, вина здесь имманентна, включает в себя нравственный аспект, который носит исключительно негативный характер. В психологии вина используется в качестве психологической, а не моральной/нравственной (как, например, в философии) или юридической категории, где вина понимается больше как причастность личности к совершению общественно опасного деяния. В психологии более важно не само понятие вины, а сам факт ее переживания, т.е. чувство вины. Но у обыденного и научного подхода к пониманию вины есть и общие черты, например: вина всегда субъективна, т.е. вне человека она существовать не может; вина выступает в виде своеобразного регулятора поведения (чтобы не испытывать этого чувства человек воздерживается от совершения поступков, которые в будущем будут не одобрены обществом в целом или другим человеком).

Помимо этого, мы хотим отметить, что отношение к вине у психологов и философов в целом неоднозначно, следовательно, можно сделать вывод, что философия и психология не знают понятия вины, считая этот феномен чисто юридической дефиницией.

Также мы согласны с мнением тех юристов, которые считают проблему вины общей для многих отраслей права. Например, для того, чтобы норма уголовного права была реализована необходимо доказать виновность субъекта. В свою очередь разработка криминалистических приемов, способов, средств фиксации данных о субъективной стороне содействует реализации норм доказательственного права в процессе расследования и судебного разбирательства уголовных дел¹.

¹Неустроева, А.В. О некоторых закономерностях познания субъективной стороны преступления / А.В. Неустроева // Закон и право. – 2011 – № 8. – С. 61.

Однако, хотя понятие вины не является специфически уголовно – правовым понятием, это вовсе не исключает, а, напротив, предполагает необходимость узкоотраслевого исследования¹. Исходя из этого мы не ставим перед собой задачи исследовать всеобъемлющую философско-этическую проблему вины, а в контексте данного параграфа ограничимся рассмотрением и анализом лишь тех положений и выводов о понятии вины, которые выдвигались в теории уголовного права.

Как известно, в правоведении существуют как чисто прикладные проблемы, которые выдвигаются потребностями законодательных и практических органов, так и проблемы, продиктованные внутренней логикой самой науки, которые обслуживают её интересы и потребности.

К основным проблемным вопросам понимания вины в теории уголовного права мы отнесли следующие:

Во-первых, к разряду проблемных в уголовно – правовой науке можно отнести вопрос о соотношении категорий субъективная сторона и вина.

По данному вопросу были высказаны три основные точки зрения.

Согласно первой вина и субъективная сторона преступления – это понятия тождественные, поскольку интеллектуально – волевая деятельность человека неразрывно связана с мотивационной и эмоциональной деятельностью². Само название некоторых научных работ свидетельствует о том, что вина рассматривается как синоним субъективной стороны преступления³ либо это вытекает из контекста рассуждений ученых⁴.

Эта точка зрения наиболее последовательно отстаивалась и наиболее глубоко аргументировалась П.С. Дагелем. Он писал: «Точка зрения, согласно

¹ Тихонов, К.Ф. Субъективная сторона преступления / К.Ф. Тихонов. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1967. – С. 8, 9.

² Ворошилов, Е.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1 / Е.В. Ворошилов, Г.А. Кригер. – Владивосток: Закон и право, 1999. – С. 385.

³ Лекшас, И. Вина как субъективная сторона преступления / И. Лекшас. – М.: Юридическая литература, 1958. – С. 46.

⁴ Петелин, Б. Вина как объект доказывания / Б. Петелин // Советская Юстиция. – 1982.– № 12. – С. 18.

которой субъективная сторона преступления не исчерпывается виной, а включает в себя наряду с виной мотив и цель преступления, основана на смешении субъективной стороны преступления (вины) и признаков состава преступления, характеризующих эту субъективную сторону (умысел, неосторожность, мотив, цель, аффект, заведомость и др.), а также на смешении понятий содержания и формы вины»¹. Сходную позицию занимает Ю.А. Красиков: «В законодательной формулировке форм вины нет упоминаний о мотиве, цели и эмоциях. Однако это не означает, что они не входят в содержание вины. Эти компоненты присущи любому поведению человека. Мотив, цель, эмоции, характеризуя психическую деятельность виновного, входят в субъективную сторону преступления через умысел и неосторожность»².

Другие ученые рассматривают вину как понятие более широкое, чем субъективная сторона преступления. Так, например, Т.Г.Шавгулидзе отмечает, что вина не исчерпывает всей субъективной стороны состава преступления и их нельзя отождествлять³. По мнению Ю.А. Демидова, вина «не может сводиться к какому – либо элементу преступления, хотя бы к умыслу или неосторожности, или к деянию, взятому с его объективной стороны. Она равно выражается как в объективной, так и в субъективной стороне преступления»⁴. Разделяя эту же точку зрения Г.А. Злобин писал: «Вина, составляющая субъективную сторону преступного деяния, одновременно выступает как целостная характеристика преступления во всех его существенных для ответственности отношениях. Эти свойства вины и делают ее необходимым и достаточным основанием уголовной

¹ Дагель, П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве / П.С. Дагель // Известия ВУЗов. Правоведение. – 1969. – № 1. – С. 78.

² Практический комментарий к УК РФ / под ред. Х.Д. Аликперова, Э.Ф. Побегайло. – М.: Зерцало, 2001. – С. 79.

³ Шавгулидзе, Т.Г. Уголовно-правовое значение аффекта / Т.Г. Шавгулидзе. – М.: МГУ, 1974. – С. 18.

⁴ Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М.: БЕК, 1975. – С. 117.

ответственности, в равной мере противоположным как объективному, так и абстрактно – субъективному вменению»¹. Но как правильно заметил А.И. Рарог: «Такой возврат к «теории двух вин», предложенной Б.С. Утевским и после длительной дискуссии отвергнутый отечественной уголовно – правовой наукой, вряд ли продуктивен на современном уровне развития юридической доктрины. Попытка возродить эту теорию объективно обусловлена тем, что в судебно-следственной практике термин «вина» («виновность») употребляется в двух значениях. Если в науке уголовного права понятие вины означает не что иное, как наличие в совершенном деянии умысла или неосторожности, то на практике нередко говорят о вине как о доказанности самого факта совершения преступления. Тем не менее отождествление вины с фактом совершения преступления означает неосновательное объективирование вины, лишение ее конкретной определенности как юридического признака состава преступления»².

В отечественной науке уголовного права преобладает мнение, что психологическое содержание субъективной стороны преступления раскрывается с помощью таких юридических признаков, как вина, мотив и цель, характеризующие различные формы психической активности человека. Они органически связаны между собой, но имеют различное значение.

На наш взгляд разногласия в подходе к его решению заложены в законодательном определении вины через такие ее формы, как умысел и неосторожность. В свою очередь, законодатель при общем определении умысла и неосторожности не включает в них мотивов, целей, эмоциональной сферы психической деятельности. Опущение мотивов целей и эмоций в общем определении вины и ее форм вполне объяснимо. Названные составные части психического отношения всегда присущи умышленной

¹ Малков, В.П. Субъективные основания уголовной ответственности / В.П. Малков // Государство и право. – 2001. – № 8. – С. 45.

² Рарог, А.И. Общая теория вины в уголовном праве / А.И. Рарог. – М: Норма, 2003. – С. 44.

деятельности и их правомерно включать в элементы умысла. Однако при неосторожности в обоих ее видах мотивы, цели и эмоции также всегда присутствуют, но это относится к деятельности, породившей преступный результат, отношение же к деянию в неосторожном преступлении законодатель не учитывает, связывая эту форму вины лишь с отношением лица к вредным последствиям. Поэтому совершенно справедливо по этому вопросу высказался В.В. Лунеев: «Мотив и цель преступления, а также эмоциональное состояние субъекта в момент совершения преступления – понятия непосредственно заимствованные из психологии, но в уголовном праве, имеющие узко юридическое толкование, ограниченное потребностями уголовной ответственности. И эти нормативные ограничения формально отодвигают основополагающие с точки зрения психологии элементы поведенческого акта (мотив, цель, эмоции) на второй план, делая их факультативными признаками субъективной стороны преступления. Они становятся обязательными лишь тогда, когда в диспозиции статьи Особенной части УК в отношении их имеется прямое указание.

Общеизвестно, что вину лица невозможно установить без анализа того, что хотел преступник, какие цели он перед собой ставил, в каком состоянии находился. Установление вины вне мотивации, целеполагания и состояния субъекта в момент совершения преступления может носить лишь формальный оценочный характер. Поэтому попытки некоторых ученых представить вину, мотив, цель взаимосвязанными, но различными и самостоятельными формами психической активности, которые не включаются друг в друга, не совсем корректны. Мотив и цель преступления прямо «не входят» в вину лишь по воле законодателя, который, упрощая и формализуя ее в прагматических целях (мотивы и цели - трудно доказуемые обстоятельства), обрисовывает ее формы вне психологического ядра поведения (мотива и цели), хотя оно и входит в вину по своей сути»

Таким образом, согласно УК содержание субъективной стороны преступления исчерпывается тремя признаками: виной, мотивом и целью. Между виной и прочими компонентами субъективной стороны преступления существует связь, не исключая самостоятельного значения каждого отдельного признака. Но, в материальном праве законодатель, давая нормативную характеристику тех или иных институтов, как совершенно верно сказал Ю.А. Демидов, абстрагируется от характеристики их взаимосвязей – описание преступления, например, дается «обезличенно», независимо от индивидов его совершающих¹. В свою очередь Н.А. Беляев утверждает, что «описывая какую либо сторону правового явления, законодатель отражает лишь его характеристики, а не сопряженные с ним как общие институты отрасли права, так и отдельные его подразделения, части – в этом нет никакой необходимости, так как предполагается, что правоприменение осуществляется разумными людьми, хотя бы минимально сведущими в структуре и назначении права. В Общей части не содержится общих определений многих уголовно – правовых институтов, их характеристика выводится из анализа всей совокупности норм закона. Таковы, например, понятие субъекта преступления, специального субъекта, причинной связи, преступных последствий, объекта посягательства, общественной опасности преступления и т.д. Поэтому ссылаться на структуру закона или последовательность тех или иных положений как на аргумент категориального значения нельзя, тем более общеизвестна и пробельность закона и, к сожалению, в ряде случаев, внутренняя противоречивость»².

Исходя из выше сказанного нами, мы можем сделать вывод о том, что на сегодняшний день в нашей стране общепринятой является психологическая

¹ Демидов, Ю.А Указ. Сочин. – С. 114.

² Беляев, Н.А. Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / Н.А. Беляев. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. – С. 272.

концепция понимания вины, согласно которой она определяется как психическое отношение лица к совершаемому им преступлению и его последствиям. Одними из компонентов психического отношения, выраженного в форме умысла или неосторожности, на наш взгляд, как раз и являются мотивы, цели и эмоции субъекта. Они выступают в качестве «комплектующих узлов» и создают то понятие вины, за которое и в пределах которого возможна уголовная ответственность. То или иное вхождение мотивов, целей и эмоций в вину совсем не означает утраты ими своего собственного психологического и в определенных законом юридического значения. Это свидетельствует лишь о реальной взаимосвязи различных элементов субъективного отношения преступника к совершенному деянию. Но также необходимо отметить и тот факт, что уголовное право вполне обоснованно тяготеет к формальным и прагматичным границам понятий, используя такие условные дифференциации, оно облегчает правовой анализ и в целом это обусловлено задачами уголовного права. Однако законодатель должен учесть и то, что он заимствует естественно – научные понятия, которые имеют объективно заданную систему взаимосвязей и игнорирование этого положения может выступить одной из предпосылок объективного вменения, которое, в свою очередь, в нашей стране отрицается.

Следующей вызывающей дискуссию теоретической проблемой связанной с институтом вины в уголовном праве является нарушение системности уголовного права с позиции принципа вины.

Как верно заметил В. Бабурин: «Актуальной задачей науки уголовного права являются раскрытие и использование всего потенциала уголовно – правовых средств борьбы с преступностью»¹. Мы считаем, что прежде всего это связано с анализом изъянов законодательной техники уголовного закона.

Законодательная техника в уголовном праве – это система правил инкорпорации, кодификации и конструирования уголовно – правовых

¹ Бабурин, В. Уголовно-правовая оценка правомерного причинения вреда / В. Бабурин // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 7.

институтов и норм, а также рубрики Уголовного кодекса, обеспечивающих эффективность УК¹.

Преимущественно недостатки законодательной техники УК обусловлены нарушением системности в конструировании уголовно – правовых запретов и нередко несогласованностью одних с другими. Проблема системности уголовного права весьма обширна, поэтому мы остановимся лишь на таком ее аспекте как противоречивость между нормами Уголовного Кодекса в контексте принципа субъективного вменения.

Многие авторы указывали на бессистемность УК. Однако на сегодняшний день законодатель не только не смог ее решить, но и как совершенно верно заметил М.С. Кириенко законодатель все более усугубляет указанную проблему, внося изменения, которые никак не меняют ситуацию к лучшему².

Так, аксиомой законодательной техники в уголовном праве всегда считалось, что нормы Общей части распространяются на все нормы Особенной части УК. Однако законодатель стал от этой аксиомы отступать, к примеру, при применении ряда статей Особенной части УК РФ законодатель предлагает использовать принцип объективного вменения, что совершенно противоречит ст. 5 УК, где раскрывается содержание принципа вины, который, как верно замечает А.В. Наумов «есть элементарнейшее условие правильной социально-правовой оценки поведения человека вообще и преступного в частности»³.

Например, Федеральный Закон от 27.07.2009 №215 – ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁴ существенно изменил главу 18 УК РФ, исключив из ст. 131 и 132 УК РФ в таких

¹ Кузнецова, Н.Ф. О законодательной технике в уголовном праве / Н.Ф. Кузнецова // Вестник МГУ Серия 11 «Право». – 2004. – № 4. – С. 41.

² Кириенко, М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук / М.С. Кириенко. – Челябинск, 2014.

³ Наумов, А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 97.

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 27.07.2009 № 215–ФЗ // Российская газета. – 30.07.2009. – № 139.

квалифицированных составах как совершение указанных преступлений в отношении заведомо несовершеннолетних или заведомо малолетних указание на заведомость, т.е. теперь чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности за совершение преступлений по п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 131 либо по п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 132 не обязательно устанавливать осознание виновным возраста потерпевшей. Таким образом законодатель усилил защиту несовершеннолетних, что является вполне понятным, но оправдать, к сожалению, те противоречия Общей части которые возникли в следствии этих нововведений мы не можем, поэтому предлагаем включить указание на заведомость.

Далее, УК 1996 года в уголовное законодательство была введена новелла в виде ч. 2 ст. 24 УК. Впоследствии Федеральным законом от 25 июня 1998 г. №92 – ФЗ указанная норма была изложена в новой редакции, в соответствии с которой деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК. Новая редакция ч. 2 ст. 24 УК породила две точки зрения:

1. Если в диспозиции статьи не указано на совершение деяния по неосторожности, то такое преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

2. Если в диспозиции статьи не указано на совершение деяния по неосторожности, то такое преступление может быть только умышленным¹.

Мы не можем согласиться ни с первой, ни со второй позицией. В первом случае неосторожное деяние будет признаваться преступлением и тогда, когда о неосторожности вообще нет никакого упоминания в диспозиции статьи, тем самым исчезает смысл введения ч. 2 ст. 24 УК и некоторые нормы Особенной части УК становятся не совсем понятными и вызывают сложности при квалификации. Например, ст. 260 УК «Незаконная рубка

¹ Попов, И. Указание в диспозиции уголовно – правовой нормы на форму вины / И. Попов // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 46.

лесных насаждений» не содержит указания на совершение деяния по неосторожности. Следовательно, такое деяние может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Однако в теории уголовного права незаконная рубка лесных насаждений является умышленным преступным деянием и не может совершаться по неосторожности. Практика идет по этому же пути¹, так по конкретному уголовному делу было установлено, что в 2009 г. Шалагин находясь на территории ГУ СО «Карпинское лесничество», относящегося к особо защитным лесным участкам, имея умысел на незаконную рубку деревьев, не имея разрешения, с использованием бензопилы умышленно осуществил незаконную рубку лесных насаждений, расположенных вдоль лесной дороги. Шалагин С.И. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 260 УК РФ².

Что касается второй позиции, то не ясен смысл изменений уголовного закона, которыми пытались устранить недоразумения, когда умышленными становились деяния, являющиеся по своей сути неосторожными.

Решить сложившуюся ситуацию можно следующим образом: первое, изменить ч. 2 ст. 24 УК либо вернуться к ее прежней редакции и, второе, в диспозиции статей Особенной части по мере необходимости внести указания на форму вины. Эти предложения уже были высказаны ранее, но не получили должного внимания научной общественности³.

Помимо этого, законодательная техника предполагает неколлизионность норм как внутри УК, так и в УК и в Постановлениях Пленума ВС РФ. В частности, в уголовных законах всех цивилизованных стран содержатся положения, регламентирующие право на необходимую оборону.

² Приговор от 26 февраля 2010 г. Карпинского городского суда Свердловской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://karpinsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=252

³ Яни, П. Сложные вопросы субъективной стороны преступления / П. Яни // Российская юстиция. – 2002. – № 12. – С. 48.

Обозначенный институт является своего рода балансом интересов по охране социальных ценностей и возможностью правомерного причинения вреда.

Международное сообщество, признавая вынужденный характер такого вреда, стремится минимизировать его. В соответствии со статьей 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года лишение жизни допустимо только тогда, когда это обусловлено защитой лица от противоправного насилия, а также для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях.

Положения о необходимой обороне являются важной гарантией охраны прав личности, неприкосновенности собственности и в целом государственных и общественных интересов. Правильное понимание и применение таких положений способствует укреплению законности и правопорядка.

В соответствии со ст. 37 УК РФ превышение пределов необходимой обороны признается наказуемым только в случае, если оно совершено умышленно, т.е. лицо осознавало, что причиняет вред явно не соответствующий характеру и степени опасности нападения, и желало его причинения либо не желало, но сознательно допускало или относилось к нему безразлично. Если же лицо при защите осознавало возможность причинения вреда нападавшему, который бы явно не соответствовал характеру и степени опасности нападения, но самонадеянно рассчитывало на то, что вред не будет причинен, либо не предвидело возможность причинения такого вреда, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности могло и должно было его предвидеть, то деяние признается совершенным по неосторожности и следовательно лицо мы к уголовной ответственности привлекать не будем.

Если же защищавшийся, действуя внимательно и предусмотрительно, осознавал, что причиняет вред нападающему, но не понимал, что защита явно не соответствует характеру и степени опасности нападения, хотя по обстоятельствам происходящего должен был и мог это понимать, его деяние не может быть признано совершенным по неосторожности. Содеянное им должно квалифицироваться как превышение пределов необходимой обороны, совершенное умышлено¹.

Применение указанной формулы в теории и на практике в некоторых случаях бывает затруднительным. Об этом в частности свидетельствуют следующие факты:

- в пределах УК РФ 1996 г. ст. 37 менялась трижды;
- судьи право на необходимую оборону понимают и, соответственно толкуют по разному.

Так, «24» марта 2007 г. в садоводческом товариществе «Кировец» в городе Копейске владелец садового участка Василий Киряков выстрелил в одного из двух мужчин, проникших ночью в его сад. Подсудимый утверждает, что незнакомцы собирались похитить его имущество. Василий Киряков был приговорен Копейским городским судом к четырем годам лишения свободы в колонии строгого режима за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. «05» февраля 2008 г. Челябинский областной суд, рассмотрев в кассационной инстанции уголовное дело в отношении Василия Кирякова, вынес определение о направлении дела на новое рассмотрение.

1 июня 2007 года К. со своей гражданской супругой и сыном гостили у знакомых в поселке Первомайский города Коркино. Около 23 часов они стали собираться домой. Первыми из подъезда вышли женщина с ребенком, К. немного задержался, чтобы попрощаться с хозяевами. Выйдя на улицу, он

¹Гарбатович, Д.А. Природа вины при превышении пределов необходимой обороны / Д.А. Гарбатович // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 19.

увидел, как незнакомый мужчина спрыгнул с ограждения у подъезда и обхватил его супругу рукой сзади за шею, выражаясь при этом нецензурной бранью. Ребенок сильно испугался, заплакал и убежал. К. несколько раз требовал отпустить его жену, но мужчина удерживал женщину. Когда женщине удалось вырваться, она бросилась за ребенком. К. остался у подъезда с нападавшим. У незнакомца в руке оказался нож, выражаясь нецензурной бранью, мужчина попытался ударить К. ножом в живот. Увернувшись, К. нанес нападавшему удары кулаком в лицо, от чего тот упал. Далее, по словам подсудимого, незнакомец начал встать, тогда он ногой попытался выбить нож из руки незнакомца, а попал ему в живот. В это время на К. сзади набросился второй незнакомец, выбежавший из подъезда. Оборонявшийся ударил и второго, тот от удара упал в проем двери подъезда.

Коркинский городской суд вынес обвинительный приговор в отношении К., квалифицировав его действия как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (по ст. 111 ч. 4 УК РФ). Челябинский областной суд, рассмотрев в кассационной инстанции уголовное дело в отношении жителя Коркино Андрея К., 1973 года рождения, отменил приговор Коркинского городского суда и прекратил производство по делу в связи с отсутствием в действиях подсудимого состава преступления¹.

В Тюмени Моркинский районный суд за убийство приговорил к шести годам колонии общего режима местную жительницу Наталью Горшкову.

В начале года в семье Горшковых поздно вечером произошел очередной скандал. Дочь на дискотеке выпила пива и вернулась домой около трех часов ночи и увидела, что родители ругаются, а отец избивает мать. Наталья попыталась заступиться, но и ей тоже досталось. Пьяный родитель ножом порезал ей палец. Девушка взяла в чулане топор и несколько раз ударила обухом отца. От полученных травм мужчина скончался.

¹Областной суд признал, что житель Коркино защищал себя и свою семью. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=n_press_rel&id=248

Горшкова пыталась обжаловать суровый приговор суда. Просила признать в ее действиях превышение пределов необходимой обороны. Но судебная коллегия по уголовным делам, как рассказали в Верховном суде Марий Эл, оставила приговор без изменений.¹

Один из самых сложных вопросов при рассмотрении института необходимой обороны это вопрос правильного установления субъективной стороны при превышении ее пределов.

«27» сентября 2012 г. вступило в силу Постановление Пленума Верховного Суда РФ №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

На наш взгляд новый Пленум равно как и Пленум Верховного Суда РФ от 16 августа 1984 г. №14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» еще раз указал – оценка судом объективных обстоятельств будет доминирующей по сравнению с психическим состоянием обороняющегося лица.

Так Пленум не дал четких разъяснений того, каким образом суды должны устанавливать либо что учитывать при разрешении вопроса о том осознавал ли обороняющийся то, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

Видимо этот пробел восполняет п. 13 Постановления Пленума: «Разрешая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, суды должны учитывать: объект посягательства; избранный посягавшим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или

¹Добрые убийцы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/11/20/samooborona.html>

тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства; место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и оборонявшихся, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия; возможность оборонявшегося лица отразить посягательство (его возраст и пол, физическое и психическое состояние и т.п.); иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц».

Таким образом, сказанное позволяет сделать вывод – на практике мы опять сталкиваемся с объективным вменением, что в свою очередь противоречит психологической природе вины, закрепленной в Общей части УК РФ.

Наличие множества оценочных признаков в понимании необходимой обороны можно объяснить следующим: с одной стороны работникам правоохранительных органов и суду зачастую просто невозможно определить, что знал и чего боялся обороняющийся, с другой стороны преступление ни при каких обстоятельствах не должно быть оправдано, а человек, защищавший свою жизнь должен оставаться на свободе.

В свете отмеченного можно сказать, что перечисленные выше проблемы отнюдь себя не исчерпывают, а их наличие еще раз указывает на то, что наш УК далеко не идеален.

2 ФОРМЫ ВИНЫ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

2.1 Формы вины в уголовном праве России

Содержание и форма в каждом явлении представляет собой неразрывное единство. Не существует таких явлений, которые имели бы содержание, но не имели бы формы или, наоборот, имели бы форму, но не имели бы содержания. Однако их единство следует отличать от соответствия между ними, которое имеет место далеко не во всех случаях¹.

Применительно к вине мы склонны согласиться с А.И. Рарогом, который понимает форму вины как законодательно определенное сочетание интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике виновного по отношению к юридически значимым объективным свойствам преступного деяния².

Юридическое значение формы вины весьма многообразно.

Во-первых, форма вины позволяет отделить преступное деяние от непроступного.

Во-вторых, форма вины способна влиять на квалификацию преступления. Совершенно верно отметил Куринов Б.А., что «во многих случаях при осуществлении уголовно правовой квалификации именно форма психического отношения лица позволяет отграничить одно преступление от других смежных составов преступлений, так как признаки объекта, объективной стороны, субъекта преступления могут быть весьма сходными у целого ряда смежных составов преступлений»³. Правильное установление

¹ Векленко, С.В. Сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко // Правоведение. – 2002. – № 6. – С. 137.

² Рарог, А.И. Общая теория вины в уголовном праве / А.И. Рарог. – М.: Юридическая литература, 1980. – С. 88.

³ Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений / Б.А. Куринов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. – С. 107.

формы вины с высокой степенью точности позволяет квалифицировать совершенное деяние.

В-третьих, форма вины является основанием дифференциации уголовной ответственности и наказания. Так, Б. Здравомыслов, М. Гельфер, В. Нерсесян отметили, что «построение диспозиции уголовно-правовой нормы исходя из одинаковой наказуемости при умышленной и неосторожной форме вины не согласуется с принципом ограниченной ответственности за неосторожные преступления. Установление единых санкций за умышленные и неосторожные преступные деяния таит опасность применения более мягких наказаний за умышленные преступления, рассчитанных на применение к лица, совершивших неосторожные преступные деяния»¹.

В-четвертых, форма вины способна влиять на определение режимов отбывания наказания, признание рецидива опасным или особо опасным, а также выступает одним из критериев деления преступлений на различные категории.²

В действующем уголовном законодательстве России закреплено две формы вины: умысел и неосторожность. К сожалению, законодательные формулировки форм вины имеют ряд проблемных аспектов.

Однако, прежде чем определить эти проблемные моменты и обозначить пути решения некоторых из них, мы хотели бы проанализировать международные правовые акты, которые могут стать базой для изменения или дополнения уже существующих российских уголовно-правовых норм.

Отметим, что в последние годы задачи по имплементации в национальное уголовное законодательство норм международного права становятся все более актуальными, процессы глобализации также оказывают влияние на унификацию уголовного права. Указанные направления, на наш взгляд,

¹ Здравомыслов, Б. Формы вины и их регламентация в уголовном законодательстве / Б. Здравомыслов, М. Гельфер, В. Нерсесян // Советская юстиция. – 1981. – № 15. – С. 26.

² Векленко, С.В. Сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко // Правоведение. – 2002. – № 6. – С. 138.

появились благодаря двум основным потребностям: первая – это решение познавательных задач и вторая, которая является сугубо практической, – облегчение взаимодействия в борьбе с преступностью, особенно организованной. В связи с этим повышается интерес к изучению отдельных институтов зарубежного уголовного права.

Как уже было отмечено, законодательные формулировки форм вины в России имеют ряд проблемных аспектов.

Так, умысел представляет собой одну из форм вины. Умышленная вина опаснее неосторожной, что подтверждается, в частности, отнесением законодателем к числу тяжких или особо тяжких преступлений только тех, которые совершены умышленно (ч. 4 и ч. 5 ст. 15 УК РФ)¹.

Помимо этого зарегистрированные умышленные преступления превышают по численности преступления неосторожные.

Действующее уголовное законодательство понятие умысла не дает. В ст. 25 УК РФ указаны его виды. Характеристика умысла через виды берет свое начало из дореволюционного и советского законодательства.

Достаточно подробный исторический анализ понятия умышленной вины провел С.В. Дубовиченко: «Единственное определение умысла (без указания на его виды) содержалось в Уставе Благочиния: «Умышленное преступление определяется по произвольному намерению и решительному со стороны преступника стремлению к нарушению Закона». Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. преступления и проступки разделяло на умышленные и неумышленные. Не давали определения умысла и уголовные законы большинства государств Европы того времени. Уголовное Уложение 1903 г. отказалось от деления умысла на заранее обдуманной и внезапной и ввело его деление на прямой и не прямой. В первых советских уголовных кодексах, по существу, воспроизводились формулировки Уголовного Уложения 1903 г., однако в них содержалось важное уточнение

¹ Гаухман, Л.Д. Указ. соч. – С. 147.

применительно к интеллектуальному элементу – включение указания на предвидение общественно опасного характера последствий своих действий. УК РСФСР также давал только понятие прямого и косвенного умысла»¹.

Каждому из определенных в ст. 25 УК РФ видов умысла присущи интеллектуальные и волевые моменты. Интеллектуальных моментов два. Первый выражается в осознании лицом, совершающим преступление, общественно опасного характера своих действий или бездействия, то есть того, что относится к настоящему времени (на момент совершения деяния), а второй – в предвидении его общественно опасных последствий (при прямом умысле – возможности или неизбежности их наступления, а при косвенном – только возможности), то есть того, что относится к будущему времени. На необходимость осознания общественно опасного характера своего деяния и предвидения его общественно опасных последствий лицом, признаваемым виновным в совершении умышленного преступления, неоднократно обращалось внимание высшими судебными инстанциями.

Волевой момент прямого умысла состоит в желании наступления общественно опасных последствий, волевой момент косвенного умысла – в нежелании, но сознательном допущении этих последствий или безразличном отношении к ним².

Проанализировав исследования, посвященные умышленной форме вины, мы выделили ряд проблемных вопросов законодательного регулирования умышленной вины.

Первая проблема касается признака осознания общественной опасности действия (бездействия). В законодательной конструкции умысла указано на осознания действия (бездействия), но ничего не сказано о субъективном отношении лица, совершающим преступление, к другим обстоятельствам совершения преступления (место, время, способ и т.д.). В теории уголовного

¹ Дубовиченко, С.В. Понятие умышленной вины и ее сущность / С.В. Дубовиченко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 72. – С. 53 – 54.

² Гаухман Л.Д. Указ. Сочин. – С. 148.

права предлагались различные решения указанной проблемы. Наиболее оптимальным решением на наш взгляд представляется следующее: заменить слова «своих действий (бездействия)» на слова «своего деяния». Как известно, термин «деяние» употребляется не только в качестве обобщенной характеристики действия и бездействия, но и как синоним преступления в целом. Указанное изменение будет способствовать более четкому законодательному определению умысла в соответствии с его традиционным пониманием и позволит устранить возможные трудности при его трактовке¹. Некоторые зарубежные государства также стоят на обозначенной позиции. Например, ст. 21 УК Узбекистана «... деяния, признается умышленным, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер деяния ...»²; ст. 20 УК Израиля «Преступный замысел – осознание характера деяния ...»³; из ч. 2 и ч. 3 ст. 9 УК Грузии следует, что деяние совершено с умыслом если лицо осознавало противоправность своего деяния⁴ и т.д.

Отметим, что в теории уголовного права нет единства в понимании того, какие именно признаки должны осознаваться виновным. На наш взгляд, наиболее обоснованной представляется мнение, согласно которому осознаваться должны объективные обстоятельства, которые могут являться элементами состава.⁵ Субъективные же признаки состава включать в осознание излишне, так как они либо характеризуют лицо, совершающее преступление (если речь идет о специальном субъекте), либо мотивы и цели, которыми руководствовалось виновное лицо.

¹ Паньков, И.В. Вопросы законодательного регулирования умышленной вины / И.В. Паньков // Право и политика. – 2008. – № 4. – С. 942.

² Уголовный кодекс Узбекистана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242643&subID=1>

³ Уголовный кодекс Израиля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1204138>

⁴ Уголовный кодекс Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241370>

⁵ Есаков, Г.А. Осознание как компонент интеллектуального элемента умысла: дискуссионные вопросы / Г.А. Есаков, А.В. Рагулина, И.А. Юрченко // Государство и право – 2004. – № 6. – С. 25 – 26.

Вторая проблема касается волевого элемента косвенного умысла, а именно желание лица наступления общественно опасных последствий.

С.Л. Рубинштейн отмечал – «желание – это целенаправленное стремление»¹. При этом в юридической литературе отмечается, что желание не является одномоментным действием, напротив, это специфичный психологический процесс, проходящий в своем развитии определенные стадии:

- ощущение определенной потребности;
- превращение ее в побуждение к действию, т.е. мотив преступления;
- постановка цели, достижение которой должно прямо удовлетворять ощущаемую потребность или быть средством ее удовлетворения;
- желание (хотение) достичь поставленной цели².

Учитывая изложенное, точка зрения, согласно которой прямому умыслу имманентно присуща цель, на наш взгляд, является бесспорной³.

Этот вывод подтверждается и судебной практикой. Чтобы аргументировать именно прямой умысел суды в приговорах стараются подчеркнуть цель действий виновного.

Так, некоторые авторы замечают, что формулировка в ч. 3 ст. 25 УК РФ косвенного умысла выглядит несколько странно. «Лицо в ней сознает факт совершения преступного деяния, но при этом не желает его общественно опасных последствий. Получается, что оно действует вопреки своим желаниям, что с психологической точки зрения невозможно из-за отсутствия мотивации к данному поведению»⁴.

¹ Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб: Питер, 2007. – С. 350.

² Энциклопедия уголовного права. Т. 4 / под ред. В.Б. Малинина – СПб.: Изд-во проф. Малинина, 2005. – С. 666.

³ Смирнов, В.А. К вопросу о соотношении категорий «вина» и «цель» преступления / В.А. Смирнов // Вестник Томского Государственного Университета. – 2011. – № 349. – С. 136.

⁴ Дугин, А.Т. Проблема умышленной вины в уголовном кодексе РФ / А.Т. Дугин // Российский следователь – 2009. – № 19 – С. 11.

Мы не совсем согласны с выводом о том, что если отсутствует желание наступления какого-либо последствия, то отсутствует и мотив совершить деяние. Предлагаем волевой элемент косвенного умысла трактовать следующим образом: преступление всегда является актом человеческого поведения. Субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Вменяемость в свою очередь означает способность лица осознавать характер своего деяния, а также способность руководить своими действиями. Таким образом, во-первых, акт поведения вменяемого лица всегда наделен волей, а во-вторых направлен на достижение определенной цели. Известный психолог С.Л. Рубинштейн писал: «направляясь на определенную цель действие в своем ходе регулируется соответствием с этой целью»¹. Согласно этимологическому толкованию цель это «предмет стремления, то, что надо желательно осуществить»². Проведя более подробный анализ понимания цели некоторые авторы отмечают: «В психологической науке существуют различные подходы ученых к определению цели. Одни считают, что категория «цель» вообще не научна. Другие, называют цель целесообразным, полезным результатом, ради которого разворачивается поведение. Большинство же сходны во мнении, что цель – осознанный образ будущих результатов, связанный с мотивом»³.

Далее, согласно мнению психологов, «воля – это форма психического отражения, в котором отражаемым является объективная цель, стимулы ее достижения, возникающие препятствия, мешающие ее достижению, а отраженным становится субъективная цель, борьба мотивов, волевое усилие; результатом – действие и удовлетворение достижением цели. Волевые

¹ Рубинштейн, С.Л. Указ. Соч. – С. 587.

² Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2004. – С. 873.

³ Якушин, В. Соотношение цели преступления с интеллектуальными моментами умысла / В. Якушин, С. Дубовиченко // Уголовное право – 2006. – № 6. – С. 60.

процессы проявляются как переживание своеобразного усилия, направленного на преодоление трудностей»¹.

На основании изложенного, принимая во внимание, что концептуальные положения умысла были сформированы, в т. ч. и на теории воли, считаем: совершая преступление с косвенным умыслом, лицо предвидит наступление ряда альтернативных последствий, одно из которых представляет собой тот самый идеальный результат, которого стремился достичь виновный (цель). Остальные последствия были для виновного лица не желательны, но он сознательно допускал эти последствия либо безразлично к ним относился. Как видно, обозначенный в ч. 3 ст. 25 УК РФ термин «не желал» не означает что лицо, совершая преступление с косвенным умыслом, действует вопреки своим желания, напротив, его воля направлена на то, чтобы совершить задуманное преступление, он желает наступления определенных последствий, которые являются по своей сути целью преступления, на остальные «побочные последствия» он дает свое заведомое «согласие».

Выше мы говорили об умышленной вине, однако нельзя недооценивать и опасность неосторожных преступлений.

В уголовном законе неосторожная форма вины представлена в виде легкомыслия и небрежности.

Совершения преступления по легкомыслию происходит, когда лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этих последствий.

Формула легкомыслия, предложенная законодателем, имеет ряд спорных моментов, в результате анализа которых мы пришли к выводу о необходимости раскрыть в законе сущность легкомыслия следующим образом: преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо осознавало противоправность своих действий (бездействия), абстрактно

¹ Иванов, И.С. К вопросу соотношения форм вины и их основных признаков / И.С. Иванов // Российский следователь. – 2005. – № 11. – С. 21.

предвидело потенциальную возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий.

В защиту нашего предложения по изменению законодательной трактовки легкомыслия считаем возможным привести следующие аргументы:

1. Интеллектуальный элемент формы вины состоит из осознания и предвидения, эти два компонента неразрывно связаны между собой и дополняют друг друга. По поводу соотношения обозначенных компонентов (предвидение и осознание) в юридической литературе высказываются следующие мысли: «согласно одной из позиций, предвидение есть разновидность сознания, ибо означает не что иное, как сознание развития явления его результата. Некоторые авторы считают, что именно предвидение последствий обуславливает осознание общественно опасного характера деяния, а не наоборот, т.е. сознание дублирует предвидение»¹; «более обоснованной представляется точка зрения, согласно которой осознание – это процесс отражения действительности, в то время как предвидение – это опережающее отражение, т.е. отражение в сознании явлений, возможность возникновения которых объективно существует»²; «лицо не может не предвидеть, ни быть обязанным предвидеть наступление вреда, если оно не осознает или не должно и не могло сознавать этого качества»³; «предвидеть, не сознавая, не возможно. Предвидя наступления последствий, субъект осознает развитие причинной связи и характер возможного преступного результата»⁴.

¹ Маркунцов, С.А. Осознание как признак интеллектуального элемента умышленной формы вины (на примере преступлений несовершеннолетних) / С.А. Маркунцов // Право и государство: теория и практика. – 2007. – № 3. – С. 119.

² Есаков, Г.А. Указ. Соч. – С. 25.

³ Никифоров, Б.С. Субъективная сторона в формальных преступлениях / Б.С. Никифоров // Советское государство и право. – 1971. – № 3. – С. 117.

⁴ Иванов, Г. Умысел в уголовном праве / Г. Иванов // Российская юстиция. – 1995. – № 12. – С. 16.

Поскольку практически единогласно считается, что такие компоненты как «осознание» и «предвидение» неразрывно связаны друг с другом считаем, возможным включить осознание в законодательную конструкцию легкомыслия. Иными словами, если есть опережающее отражение (предвидение возможности), то должно быть и отражение действительности (осознание).

2. В формах вины предвидение не существует в какой-то одной общей форме, его можно разделить на виды, что в свою очередь позволяет выделить критерии предвидения. В косвенном умысле лицо предвидит реальную возможность наступления последствий, при легкомыслии предвидение лица относительно последствия является абстрактным.

Реальность означает то, что для лица последствия наступят с наибольшей долей вероятности.

Согласно википедии, абстракция означает отвлечение в процессе познания от несущественных сторон, свойств, связей объекта (предмета или явления) с целью выделения их существенных закономерных признаков.

Уточним, что при легкомыслии абстрактное предвидение носит обобщающий характер. Это означает, что лицо предвидит общую картину явления, отвлеченную от частных отклонений.

Таким образом, при легкомыслии лицо абстрактно предвидит потенциальную возможность наступления последствий. Потенциальная возможность наступления последствий, в свою очередь, означает, что лицо может предположить последствия, но для лица вероятность наступления последствий сводима к нулю.

Позицию о том, что в зависимости от формы вины предвидение может быть выражено различным образом отстаивал и В.А. Нерсисян. В защиту приводил следующий аргумент: «В уголовном праве существует выражение «направленность умысла», хотя на самом деле умысел ни на что не направлен, а есть осознанность деяния, ибо последствие – это результат

умысла, а не деяния в целом. Деяние же направляется не умыслом, а волей субъекта, стремящегося к достижению поставленных целей. Следовательно, выражение «направленность умысла» подменяет собой понятие цели. Но существование одного лишь прямого умысла значительно ограничивало бы круг тех последствий, за которые субъект может нести уголовную ответственность. Такой подход стал характерен и для уголовно-правовой практики. К ответственности стали привлекать не только за те последствия, которые субъект стремился достичь, но и за те, которые фактически наступили, хотя и не совпадали с желаемой целью. Необходимо было найти границу, в пределах которой такая ответственность могла бы быть допущена. Этой границей и стало предвидение последствий: субъект может быть привлечен к уголовной ответственности лишь за те последствия, которые он предвидел, или во всяком случае мог и должен был предвидеть. При этом дело не ограничивалось утверждением данного признака в общей форме. Оказалось, что можно выделить критерии предвидения, дающие возможность разделить его на виды или разновидности, и на данном основании дифференцировать размеры ответственности. Так произошло разделение умысла на прямой и косвенный, дополненные неосторожностью в двух ее формах – легкомыслием и небрежностью»¹.

3. Далее, при легкомыслии лицо не может осознавать общественную опасность своего деяния, потому что, как мы уже определили, предвидение при легкомыслии является абстрактным. Иными словами, каким образом лицо, которое не может точно спрогнозировать развитие причинно-следственной связи, а также возможность наступления последствий для него сводится к нулю, может в полной мере осознавать общественную-опасность деяния. Как верно отмечают некоторые ученые «общим признаком обеих

¹ Нерсесян, В.А. Понятие и формы вины в уголовном праве / Нерсесян В.А. // Известие ВУЗов. Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 82.

видов неосторожности, отличающим ее от умысла, является отсутствие у субъекта сознания актуальной общественной опасности»¹.

Тем не менее, исходя из того, что предвидение тесно связано с осознанием, а также учитывая, что круг деяний, совершенных по легкомыслию, где лицо могло осознавать общественную опасность своих действий/бездействия, сравнительно невелик, мы считаем возможным говорить об осознании не общественной опасности, а об осознании противоправности деяния.

Предполагается, что для привлечения лица к ответственности за преступления, совершенные по легкомыслию, необходимо, по крайней мере, установить, что лицо осознавало противоправность своего поступка, а именно, что лицо в принципе осознавало факт того, что деяние в принципе противоречит сложившемуся правопорядку.

На наш взгляд одной из самых сложных в теории уголовного права является проблема преступной небрежности.

Слово «небрежный» с точки зрения русского языка обозначает относящийся невнимательно к своим должностным обязанностям, пренебрежительный².

Небрежность – в известной мере уникальный вид вины. Неосторожная форма вины, особенно преступная небрежность, является спорной с позиции осознанности лицом осуществляемых им действий, что в свою очередь лежит в основе психологической теории вины. Установление психического отношения к общественно опасному последствию при преступной небрежности представляет известные затруднения благодаря тому, что при ней у лица отсутствует всякое предвидение наступления такого последствия. По общему правилу для определения характера и степени вины решающее значение имеет наличие или отсутствие у лица осознания возможности

¹Бородин, Е.С. Общие черты и различия легкомыслия и небрежности как видов неосторожности / Е.С. Бородин // Закон и право. – 2010. – № 2. – С. 86.

² Ожегов, С.И Указ. Соч. – С. 401.

наступления общественно опасных последствий. Однако, законодатель, формулируя определение преступной небрежности в ч. 3 ст. 26 УК РФ указывает на то, что «преступление признается совершенным при небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия». Таким образом, УК РФ предоставляет возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, которые на момент совершения преступления не предвидели, а значит и не осознавали возможности причинения вреда общественным интересам. Сформировавшаяся в теории уголовного права субъективистское представление об институте вины не позволяет рассматривать в его рамках преступную небрежность, необходимым условием реализации которой является объективность критериев, лежащих в ее основе.

Критерий долженствования, вытекающий из установленной уголовным законом или другим нормативным документом обязанности, свидетельствует об отсутствии субъективного начала в обосновании уголовной ответственности за нарушение этой обязанности. Признание возможности существования объективного начала в теории вины влечет за собой автоматическое признание ее оценочного характера. В случае, когда закон устанавливает определенную обязанность, невыполнение которой влечет за собой уголовную ответственность, суд оценивает действия подсудимого именно с позиции данной обязанности.¹

Такие признаки преступной небрежности, как «мог и должен был предвидеть», по мнению В.А. Нерсеяна, не вводят в ее содержание каких – либо психологических компонентов, поскольку указывают лишь на возможность и обязанность предвидеть, а не реальное предвидение. Судом

¹Бавсун, М.Б. Проблемы виновного вменения за преступления совершаемые по неосторожности / М.Б. Бавсун, С.В. Векленко // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 134.

осуществляется оценка не психического отношения лица в момент совершения деяния, а оценка тех обстоятельств, которые позволят сделать вывод о наличии у него реальной возможности и обязанности выполнения определенных действий. Как только оба критерия будут установлены, то вывод суда будет однозначным – виновен. При этом истинное внутреннее отношение лица к деянию не оказывает решающего значения. Возможность означает потенциальное, нереализованное предвидение, тогда как уголовное право требует установление вины действительной, а не возможной¹.

В.В. Питецкий обозначил следующие моменты: «В преступной небрежности лицо не предвидит (по определению) возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния. Подчеркнем, что речь идет о фактически наступивших последствиях, за которые оно несет реальную уголовную ответственность, т. е. эти последствия не отразились в его сознании. А это означает, что прямого волеизъявления по поводу этих последствий быть не может, поскольку отсутствует объект такого волеизъявления. В связи с этим возникают вопросы: есть ли в преступной небрежности интеллектуальный и волевые моменты? Каковы психологические и правовые основания ответственности при этой вине?»².

Для того, чтобы объяснить суть неосторожной вины в виде небрежности авторы учебника под редакцией Б.В. Здравомыслова в научный оборот ввели два ее признака: отрицательный и положительный. «Небрежность характеризуется двумя признаками: отрицательным и положительным. Отрицательный признак небрежности – непредвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий – включает, во - первых, отсутствие сознания общественной опасности совершаемого деяния, а во - вторых, отсутствие предвидения преступных последствий. Положительный

¹ Нерсесян, В.А. Неосторожная вина: проблемы и решения / В.А. Нерсесян // Государство и право. – 2000. – № 4. – С. 59–70.

² Питецкий, В.В. Об интеллектуальном и волевом моменте преступной небрежности / В.В. Питецкий // Государство и право. – 2006. – № 7. – С. 105.

признак небрежности состоит в том, что виновный должен был и мог проявить необходимые внимательность и предусмотрительность и предвидеть наступление фактически причиненных общественно опасных последствий».¹

На наш взгляд, противоречивость юридической конструкции ответственности за небрежность заключается, с одной стороны, в невозможности ее обоснования с позиции классического представления о вине, а с другой – в необходимости ее существования, в безусловной пользе для общества и государства. По этому поводу авторы статьи «Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве» пишут: «Определенные проблемы в установлении психического отношения к содеянному им проступку имеются не только в ситуациях его совершения в состоянии алкогольного или наркотического опьянения или при отсутствии знаний у лица необходимых знаний о существовании уголовно – правового запрета, но и в ряде других случаев. Так, вопрос о наличии признаков объективного вменения можно ставить при реализации уголовной ответственности за преступления, совершенные по неосторожности. Привлечение к уголовной ответственности лиц, совершающих тяжкие и особо тяжкие преступления в таких случаях необходимо. Мы должны привлекать к ответственности. Однако в этом долженствовании и кроются объективность действий правоприменителя и их целесообразность»².

В.В. Лунеев в свою очередь делает схожий вывод: «уголовная ответственность за небрежность в той трактовке, как она представлена в отечественной науке и практике не укладывается в принцип субъективного вменения»³.

¹ Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М.: Норма, 1996. – С. 183.

² Бавсун М.В. Указ. Соч. – С. 134.

³ Лунеев, В.В. Указ. Соч. – С.47.

Сходную позицию заняла и судебно-следственная практика. Суды часто обосновывают наличие или отсутствие вины ссылками на объективные обстоятельства: последствие, деяние, признаки субъекта и т.п. Выяснение в суде или на следствии того, признает ли подсудимый себя виновным, предполагает установление объема совершенных действий и их последствий, а вовсе не их осознания¹.

Сознавая этот факт, некоторые ученые не без основания полагают, что небрежность должна быть исключена из круга уголовно – наказуемых деяний – неосознанная неосторожность не может рассматриваться как форма вины, имеющая уголовно – правовое значение, она может обосновывать только гражданскую или моральную ответственность. С мнением данных авторов нельзя не согласиться. Но целесообразность, о которой пишут другие авторы, с не меньшей, а может быть и с большей силой давит на общественно мнение. А оно, как заметил Б.С. Никифоров, кое – как мирится с безнаказанностью случайного причинения, категорически считает «виновным» тех, кто причинил вред по небрежности.

По результатам исследования форм вины в уголовном праве России нами был сделан следующий вывод:

1. принцип объективного вменения существует и формулировка небрежности, привлечение к ответственности за деяния совершенные в состоянии алкогольного опьянения, ограниченной вменяемости в УК РФ яркое тому подтверждение. Так как на сегодняшний день не привлекать к ответственности лиц, совершивших преступления по небрежности, в состоянии алкогольного опьянения или ограниченной вменяемости не представляется возможным, предлагаем ввести в УК РФ понятие вины, отвечающее специфике уголовного права, построению уголовного закона и

¹ Плотников, А.И. Принцип вины и его реализация в уголовном законодательстве / А.И. Плотников // 5 лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 международной научно-практической конференции, состоявшейся 30–31 мая 2002 г. – С. 132

уголовно-правовой доктрине. На наш взгляд в определение вины необходимо включить две стороны, индивидуальное отношение субъекта к совершенному деянию и отношение к этому деянию общества в целом в лице уполномоченных органов. Обозначенную нами позицию можно аргументировать с точки зрения диалектического материализма, согласно которому самостоятельным существованием обладает не общее или единичное, а только отдельное. Каждый из отдельных объектов образует единство общего и единичного, которые являются его сторонами, свойствами, поскольку каждый отдельный объект сочетает в себе как моменты повторяющиеся в иных объектах, так и неповторимые; специфика любого явления (объекта) состоит, прежде всего, в том, что оно всегда есть нечто отдельное. Изложенное позволяет нам говорить о том, что вина (отдельный объект) состоит из индивидуального отношения лица к совершенному деянию, а также из отрицательного отношения общества к этому деянию в лице уполномоченных органов (суд, работники прокуратуры, следственного комитета, полиции). Помимо этого вина в уголовном праве наполнена не только психологическим, но и социальным содержанием. Приравнивание вины только к психическому отношению неоправданно, на наш взгляд, сужает ее понимание. Вина в уголовном праве это явление не только личное (субъективное), но и правовое, которое связано с ответственностью за нарушение конкретных норм поведения, принятых в обществе. Так, в уголовном праве выделяют два вида оценочных отношений: «С одной стороны оно в своих нормах выражает отрицательное отношение класса к определенным формам поведения индивидов, которые закон объявляет преступлениями, с другой – формы поведения, которые закон объявляет преступлениями, сами являются непосредственным продуктом отрицательного отношения индивидов к общественному порядку»¹.

¹ Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 26.

Сказанное нами не означает того, что необходимо отказаться от психологической концепции вины, которая в настоящий момент является наиболее разработанной и перспективной с точки зрения своего дальнейшего развития и продолжать научный поиск в направлении объективного либо субъективно-объективного вменения, потому что психическое отношение лица к своему поведению и к последствиям правоохранительным органам необходимо устанавливать во всех случаях привлечения к уголовной ответственности.

В связи с чем приведем и позиции других ученых: «объективное вменение в уголовном праве для обоснования в уголовной ответственности лица также необходимо, как и субъективное вменение. Мы полагаем, что принцип вины не является принципом субъективного вменения. Субъективное вменение в вину обстоятельств, характеризующих совершенное деяние, завершает процесс установления содержания вины, но без предварительно осуществленного объективного вменения субъективное вменение и установление вины невозможны»¹.

2. Изложение принципа объективного вменения в ч. 2 ст. 5 УК РФ не является приемлемым, поскольку не в полной мере соответствует доктрине уголовного права. Согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ объективное вменение есть привлечение к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда. Тем не менее, в главе 1 настоящей работы мы приводили позиции ученых, которые можно свести к тому, что, как совершенно верно отметил И.В. Паньков, «в оценочной концепции вина понимается как артефакт, который не существует до его установления, а создается самим судом лишь как вторичный факт-оценка на основе всех первично установленных обстоятельств дела, виной не являющихся. При обоих подходах вина является личностным феноменом, но если в первом случае ее связь с

¹ Трухин, А.М. Регламентация вины в новом уголовном кодексе Российской Федерации / А.М. Трухин // 5 лет действия УК РФ: итоги перспективы. Материалы 11 международной научно-практической конференции, состоявшейся 30-31 мая 2002 г. – С. 241

субъектом может пониматься как внутренняя (природа вины относится к сфере психики человека), то во втором она рассматривается как внешняя(природа вины относится к сфере оценки поведения человека другими людьми)»¹.

Резюмируя вышеизложенное, предлагаем внести следующие изменения в УК РФ:

Статья 5. Принцип вины

1. Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

2. Под виной в настоящем кодексе понимается психическое отношение лица к своему деянию, выраженное в форме умысла либо неосторожности в виде легкомыслия, а также психическое отношение лица к своему деянию в виде небрежности, которое существует в прямой взаимосвязи с восприятием его судом.

3. Объективное вменение, т.е. признание судом факта наличия вины, допускается в случаях предусмотренных настоящим кодексом.

Дополнить ст. 26 УК РФ ч. 4: «Максимальным наказанием за совершение преступления по небрежности является наказание, связанное с лишением свободы на срок до 1 года либо иные более мягкие виды наказаний».

Обозначенный размер наказания представляется нам наиболее приемлемым и согласующимся с принципом субъективного вменения, согласно которому наказание должно быть назначено в зависимости от степени вины. Так, если мы установим, что вина не была наполнена индивидуальным психическим отношением субъекта к деянию, то и наказание необходимо приравнять не к карательному механизму, а к воспитательной мере, которая простимулирует лицо в будущем быть более осмотрительным. Кроме того, обозначенные изменения позволят реализовать

¹ Паньков, И.В. Концептуальная и логическая характеристика вины в уголовном праве / И.В. Паньков // Современное право. – 2007. – № 10 (1). – С. 53.

на практике принцип социальной справедливости, так как общество получит компенсацию за причиненный преступлением вред, даже если психическое отношение лица к деянию будет отсутствовать.

2.2 Формы вины в уголовном праве зарубежных стран

Отметим, что особое внимание отечественные ученые-юристы и их зарубежные коллеги уделяют институту вины в уголовном праве, потому что во многих странах, как в теории, так и на практике возникает целый ряд вопросов, непосредственно связанных с указанным институтом. Например, до сих пор нет единства в доктринальном определении рассматриваемого института, вопрос о влиянии состояния опьянения на вину также решается неоднозначно, не во всех уголовных законодательствах дается определение формам вины, а законодательства некоторых стран формы вины определены по иному, чем в уголовном праве России.

Например, в современном законодательстве Англии упоминаются, как правило, три формы вины: намерение, неосторожность и небрежность.

При определении намерения на первый план выдвигается волевой момент, та цель, которую преследует лицо, совершающее деяние. Деяние считается намеренным, если оно является результатом воли и если лицо, совершающее его, ожидает наступления преступных последствий и желает этого.¹

Неосторожность, как полагают некоторые английские ученые, необходимо рассматривать с двух сторон – субъективной и объективной. С субъективной стороны неосторожность, означает, что лицо сознательно допускает неоправданный риск. С объективной стороны неосторожность

¹ Крылова, Н.Е. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) / Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова. – М.: Изд-во «Зерцало», 1998. – С. 82.

заключается в поведении, которое фактически включает в себя неоправданный риск.¹

Таким образом, неосторожность и намерение очень близкие друг к другу формы вины, поскольку очень сложно отграничить их используя только волевой критерий. Различие необходимо искать в отношении субъекта к последствиям преступного поведения.

В уголовном праве Англии существует множество вариантов определения понятия «небрежность». Общим для этих определений является то, что у субъекта отсутствует желание совершить преступление.

Согласно англо-американской доктрине объективная характеристика преступления включает в себя три следующих «материальных» элемента: поведение, сопутствующие обстоятельства и результат. Нормы действующего американского законодательства, описывающие субъективную сторону того или иного преступления, формулируются применительно к этим элементам, поскольку отношение виновного к своему поведению, сопутствующим ему обстоятельствам и результату может быть различным.

Составителями Модельного УК США (1962 г.) была предложена новая классификация форм виновности. Она пришла на смену традиционному для англо-американского права учению о *mens rea*, сложившемуся в рамках общего права. Новая классификация, воспроизведенная с теми или иными поправками в подавляющем большинстве УК штатов, включает в себя четыре формы виновности: 1) с целью, 2) с сознанием, 3) неосторожно, 4) небрежно. Каждая из этих форм виновности может определяться по отношению либо ко всем, либо к некоторым из названных выше материальных элементов преступления.

Если изложить четыре формы виновности применительно к «результату», то они выглядят следующим образом: 1) с целью действует тот, кто

¹ Уголовное право зарубежных государств / под ред. Решетникова Ф.М. – М.: Изд-во УДН, 1972. – С. 117.

стремится достигнуть именно этого результата; 2) с сознанием действует тот, кто не преследует цели достижения данного результата, но сознает «высокую степень вероятности» того, что его поведение приведет к этому (или по другой формуле, «практически убежден», что такой результат наступит, т.е. сознает неизбежность последствий); 3) неосторожно действует тот, кто сознательно игнорирует «существенный и неоправданный риск» наступления результата (здесь осознание вероятности последствий, они не являются неизбежными, но виновный игнорирует эту опасность); 4) небрежно действует тот, кто не сознает наличия «существенного и неоправданного риска» наступления результата, о чем он должен был знать (в этом случае виновный вообще не желает наступления последствий, не осознает их вероятность, но должен был сознавать, поскольку это под силу «разумному человеку»).

Различия между указанными отдельными формами виновности, по мнению американских юристов, следует проводить следующим образом.

Действия «с целью» отличаются от действий «с сознанием» в зависимости от наличия или отсутствия позитивного желания вызвать результат. Различие между 2 и 3 формами виновности определяется, прежде всего, степенью риска, является ли он «весьма вероятным» либо всего лишь «существенным и неоправданным» с точки зрения «разумного человека». Небрежность отличается от неосторожности и других форм отсутствием сознания риска. Однако такое неосознание представляет собой грубое отклонение от требований неосторожности, которые соблюдались бы «разумным» лицом в данной ситуации (см., например, п. 4 § 15.05. УК штата Нью-Йорк).

В случае небрежности, по мнению многих американских юристов, трудно говорить о «виновном состоянии ума», об отрицательной моральной оценке поведения и о предупредительном воздействии наказания. Поэтому принято считать неосторожность «нормой» уголовной ответственности, а

небрежность такой формой виновности, при которой наказание предусматривается лишь в исключительных случаях.

Что касается отличия небрежности от невиновного причинения вреда, то в качестве критерия здесь опять выступают требования доктрины «разумного человека». Суд может признать подсудимого невиновным, если не найдет у него «грубого отклонения» от стандарта поведения, которого на его месте придерживалось бы «разумное лицо».

Следует учитывать, что в некоторых штатах по-прежнему действуют старые формулировки виновности (штат Джорджия). Более того, большинство американских судей продолжают оценивать виновность подсудимого не с точки зрения «элементного» анализа, а с позиций представлений о «виновном состоянии ума» (т.е. «mens rea»).

Традиционный институт «строгой», или «абсолютной» ответственности сохранился в законодательстве США и после проведения реформы в штатах.

Такая ответственность наступает при наличии материальных элементов преступления, когда установлен сам факт нарушения закона и не требуется доказательства вины правонарушителя (во Франции — презюмируемая вина).

В УК штатов Кентукки, Гавайи и др. предусмотрена строгая ответственность для всех преступных деяний, составляющих категорию нарушений. Некоторые американские юристы выступают против данного института, считая его противоречащим положениям Конституции США. Однако Верховный Суд США неизменно отклонял требования юристов признать данный институт таковым.¹

Уголовное законодательство Франции не дает определения вины и ее форм. Однако в УК Франции можно встретить такие термины, как «умысел», «неосторожность», «небрежность», «предумысел». Проанализировав ст. 122-1 УК Франции можно сделать вывод о том, что вина – это такое психическое

¹ Крылова, Н.Е. Указ. Соч. – С. 84-86.

состояние, при котором лицо способно осознавать и контролировать преступный характер своих действий¹. Доктрина различает общую и специальную вину. Общая вина – это психическое состояние, которое характеризует любой преступный акт, иными словами это вина предполагаемая, так как любое преступление это акт человеческого поведения, который содержит в себе психологический элемент, выраженный в том, что лицо действует осознано и желает совершить это действие.

Как известно по УК Франции все деяния делятся на преступления, проступки и нарушения. Для привлечения лица к ответственности за совершения нарушения достаточно установить общую вин.

Специальная вина делится на умышленную и неосторожную. Все преступления совершаются с умышленной формой вины, а деяния совершенные по неосторожности относятся к проступкам.

Таким образом, если рассматривать положения УК Франции о вине в традиционном для российского уголовного права понимании, то можно выделить две ее формы: общая вина (презюмируемая, предполагаемая) и специальная. В свою очередь специальная вина делится на виды – умысел и неосторожность.

В УК Австралии определение вины также не дано. Однако, проанализировав часть 2.2. «Элементы преступления» УК Австралии² возможно сделать следующий вывод: вина – это некоторый психологический компонент, который характеризует отношение лица к одному или нескольким физическим элементам деяния, другими словами вина – это психическое отношение лица к своему собственному поведению либо к последствию своего поведения либо к обстоятельствам, при которых лицо совершало деяние или при которых наступило последствие.

¹ Уголовный кодекс Франции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018>

² Уголовный кодекс Австралии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=120370>

Как следует из раздела 5 «Элементы вины» УК Австралии вина может быть выражена в следующих элементах: умысел, заведомость, неосторожность и небрежность. Таким образом, законодательство Австралии не содержит форм вины, а определяет лишь элементы единого сложного понятия «вина».

Также в УК Австралии выделены преступления строгой и абсолютной ответственности, в отношении этих категорий преступлений элемент вины может и не устанавливаться.

В УК Австрии выделяют две формы вины: умысел и неосторожность.

Также как и в российском уголовном праве, в умысле по УК Австрии можно выделить волевой и интеллектуальный момент. Согласно §5 УК Австрии¹ волевой элемент заключается в желании осуществить фактическую сторону дела, а интеллектуальный момент заключается: 1. в предвидении возможности осуществления фактической стороны дела или последствий; 2. в осознании неизбежности осуществления фактической стороны или наступления последствий. В отличие от отечественного уголовного права для привлечения лица к ответственности за умышленное преступление достаточно установить хотя бы один из перечисленных элементов.

Неосторожность же можно подразделить на два вида. В первом случае лицо не осознает, что может совершить или совершает преступление, хотя при необходимой осмотрительности либо в силу своих физических и душевных качеств должен осознавать. Во втором случае лицо считает возможным осуществить деяние, соответствующее всем признакам состава, но не хочет этого.

По УК Болгарии под преступлением понимается общественно опасное деяние (действие или бездействие), которое совершено виновно и объявлено

¹ Уголовный кодекс Австрии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1154006>

законом наказуемым¹. Законодательство Болгарии не дает определение вины, а раскрывает ее через формы. Так, в согласно ч. 1 ст. 11 УК Болгарии: «Общественно опасное деяние признается виновным, если оно совершено умышленно или по неосторожности». В УК Болгарии формы вины регламентированы не так детально как в УК России. Законодательство Болгарии прямо не делит формы вины на виды. Однако, проанализировав формулировки умысла и неосторожности можно сделать вывод о том, что умысел делится на прямой и косвенный, а неосторожность на легкомыслие и небрежность. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 11 УК Болгарии «деяние признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало его общественно опасный характер, предвидело его общественно опасные последствия и желало или допускало наступление этих последствий». В соответствии с ч. 3 ст. 11 УК Болгарии «деяние признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий, но должно было и могло их предвидеть, или когда оно предвидело возможность наступления этих последствий, но надеялось их предотвратить».

УК ФРГ устанавливает, что основанием для назначения наказания является вина лица, совершившего преступление². При этом особое внимание при назначении наказания уделяется: мотивам и целям совершения преступления, воля и образ мыслей лица, совершившего преступление. Кодекс упоминает две формы вины: умысел и неосторожность. Так, в соответствии с § 15 УК ФРГ: «Наказуемо только преднамеренное действие, если закон отчетливо не предусматривает наказание за небрежное действие». Сущность умысла прослеживается в содержании § 16 УК ФРГ, в соответствии с которым «Кто, совершая деяние, не знает об обстоятельстве,

¹ Уголовный кодекс Республики Болгария. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1245689>

² Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?>

которое относится к составу деяния, предусмотренному законом, тот действует непреднамеренно». Таким образом умысел можно определить через термин «знание».

Также как и уголовное право России, современное германское уголовное право ориентируется на два вида умысла. Прямой умысел имеет две разновидности:

1. Когда лицо знает о своем деянии и его результате и непосредственно желает как того, так и другого.

2. Когда лицо просто знает или точно предвидит, что оно выполняет состав. Во втором случае считается, что тот, кто знает или точно предвидит результат и все-таки действует не может утверждать, что он не хотел его наступления.

Косвенный умысел имеет место тогда, когда лицо непосредственно не желает совершения деяния или наступления его результата, но считает это возможным и мирится с этим.

Неосторожность как форма вины характеризуется в германском уголовном праве следующим образом: лицо не предвидит, что его деяние соответствует составу закона, хотя могло это предвидеть, в силу чего могло сознавать и противоправность своего поведения. При этом в теории выделяют две разновидности неосторожности:

1. Неосознанная неосторожность (когда лицо вообще не предвидит, что преступный результат может наступить).

2. Осознанная неосторожность (когда лицо допускает, что преступный результат может наступить, но полагает, что этого не случится).¹

УК Японии также не содержит определения вины, а раскрывает ее содержание через две формы – умысел и неосторожность. В соответствии со ст. 38 УК Японии «Ненаказуемо действие, совершенное при отсутствии умысла совершить преступление; однако это не относится к случаям, когда

¹ Крылова, Н.Е. Указ. соч. – С. 89.

закон содержит специальные положения». Далее в законе содержится перечень таких специальных случаев, иными словами это те деяния, которые совершены по неосторожности. К ним, например, относится глава 9 «Преступления, состоящие в поджоге и учинений пожара по неосторожности», глава 28 «Преступления состоящие в причинении телесных повреждений по неосторожности» УК Японии.¹

УК КНР также выделяет две формы вины – умысел и неосторожность. В соответствии со ст. 14 УК КНР «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо сознавало общественно опасный характер своих действия и их последствий, желало или сознательно допускало их наступление. Преступление, совершенное умышленно, влечет уголовную ответственность». В соответствии со ст. 15 УК КНР «Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, совершая деяние, должно было предвидеть его общественно опасные последствия, однако по небрежности их не предвидело либо предвидело, но легкомысленно надеялось их предотвратить, а последствия наступили. Уголовная ответственность за преступление, совершенное по неосторожности, наступает в случаях, прямо предусмотренных настоящим Кодексом».² Таким образом, умысел и неосторожность также как и в уголовном праве России можно разделить на два вида: умысел – прямой и косвенный, а неосторожность на легкомыслие и небрежность.

Законодательное определение вины нельзя встретить и в УК Турции. Тем не менее, закон оперирует такими термином как виновность, например, «Лицо, умышленно вызвавшее затопление, которое создало опасность для имущества другого, наказывается заключением на срок от трех до десяти лет. Если виновное лицо совершило указанное деяние с целью спасения или

¹ Уголовный кодекс Японии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241616>

² Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?>

охраны своего имущества, оно наказывается заключением на срок не менее одного года». Все правонарушения делятся на преступления и проступки. В отношении проступков, которые выделены в книгу третью УК Турции, устанавливается вина презюмируемая, в отношении преступлений вина может быть в форме умысла либо неосторожности. Так, в соответствии со ст. 45 УК Турции «Отсутствие преступного умысла в преступлении исключает наказание, кроме случаев, когда закон предусматривает наказание за деяние, которое является результатом действия или бездействия виновного». Примерами таких случаев являются ст. 375 «Лицо, непредумышленно вызвавшее затопление, создавшее опасность для жизни и имущества другого, наказывается заключением на срок до одного года. Если это деяние стало причиной смерти человека, виновное лицо наказывается заключением на срок не менее шести месяцев»; ст. 389 «Лицо, создавшее в результате неосторожности или неопытности в профессиональной или ремесленной деятельности или несоблюдения правил, приказов и инструкций опасность железнодорожной катастрофы, наказывается заключением на срок от трех до тридцати месяцев и тяжким денежным штрафом в размере до 200 лир, а если произошла катастрофа, — тяжким заключением на срок до пяти лет и тяжким денежным штрафом в размере не менее 150 лир»; ст. 459 «Лицо, причинившее телесные страдания или умственные нарушения или вред здоровью другого лица в результате неосторожности или невнимательности, неопытности в профессиональной или ремесленной деятельности или несоблюдения правил, приказов и инструкций, наказывается ...»¹ и т.д.

Уголовно-правовая доктрина арабских стран приняла некоторые положения французского уголовного права. Так, каждое отдельное преступление состоит из элементов. Общими элементами являются: легальный, материальный и моральный. Например, Н.А. Аль-Асуми, цитируя

¹ Уголовный кодекс Турции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242102&subID=10>

известного ливанского юриста Али Абдель-КадерЭль-Кахваджи, пишет: «Нет сомнения в том, что преступления включают в себя два элемента: материальный и моральный, потому что преступление это волевое действие или бездействие человека и потому оно имеет две стороны: материальная сторона выражена в совершении или в не совершении действий, которые вызывают изменения в окружающей среде и моральный элемент, который выражает психическое отношение субъекта к своим действиям».¹

Уголовное законодательство ОАЭ разделяет вину на две формы – умысел и неосторожность. В соответствии со ст. 38 УК ОАЭ: «Умысел имеет место когда лицо направляет свою волю на совершение уголовно-наказуемого действия или бездействия с целью вызвать преступный результат, при условии предвидения его наступления».

В свою очередь различают следующие виды умысла:

1. Проанализировав ст. 25 УК Бахрейна, мы пришли к выводу, что умысел делится на прямой и косвенный. В соответствии с указанной статьей «Преступление считается умышленным, если лицо его совершившее сознавало все его элементы, а также, если оно предвидело возможность наступления преступных последствий и сознательно допускало их наступление».²

2. Заранее обдуманый и внезапно возникший. В соответствии со ст. 151 УК Кувейта: «заранее обдуманый умысел это решимость субъекта на совершение преступления за достаточное время для спокойного планирования его совершения».

Другая форма вины, именно неосторожность в законодательстве арабских стран нередко именуется «ошибкой». Так, в соответствии со ст. 38 УК ОАЭ «неосторожность имеет место, если преступное последствие

¹ Набиль, А.А. Преступление и наказание по уголовному праву Бахрейна и Объединенных Арабских Эмиратов: дисс. ... канд. юрид. наук / А.А. Набиль. – М., 2000 г. – С. 40.

² Уголовный кодекс Бахрейна. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=95661>

наступило в результате ошибки, небрежности, невнимательности, неосмотрительности, опрометчивости либо несоблюдения законов правил и приказов». Похожее определение дано и в ст. 64 УК Иордании: «Преступление признается совершенным по неосторожности, если преступный результат наступил вследствие невнимательности, небрежности либо несоблюдения законов и предусмотренных правил».

2.3 Влияние форм вины на квалификацию преступлений против личности и общественной безопасности

Жизнь человека является самым ценным благом, принадлежащим человеку от рождения. Она охраняется различными отраслями права, но традиционно особая роль отводится ее уголовно-правовой охране. Чрезвычайная важность данного объекта предопределила наличие в уголовном законодательстве норм, предусматривающих ответственность не только за непосредственные посягательства на жизнь, но и лишь за создание или неустранение опасности причинения вреда этому благу. В соответствии с этим положением Особенная часть УК РФ начинается с раздела VII «Преступления против личности». И, как совершенно верно отмечают многие авторы «в структуре личности важнейшей составляющей выступает жизнь и здоровье человека»¹.

Анализ преступлений, входящих в главу 16 УК РФ, показывает, что в теории и на практике есть значительные трудности, связанные с действием принципа вины в процессе квалификации п. г. ч. 2 ст. 105, ст. 110, ст. 125 УК РФ.

Рассмотрим спорные эти моменты подробнее.

С субъективной стороны убийство, предусмотренное п. г. ч. 2 ст. 105 УК РФ, может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом.

¹ Практикум по уголовному праву. Части Общая и Особенная: учебное пособие / под ред. Л.Л. Кругликов. – М.: Проспект, 2011. – С. 166.

Обязательным элементом является заведомость и если она отсутствует, например лицо добросовестно заблуждается относительно личных характеристик потерпевшей (малый срок беременности, который не позволяет по внешнему облику определить ее наличие), то действия лица будут квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ, иное будет означать объективное вменение. В свою очередь значение слово заведомо согласно толковым словарям определяется как «сознательно, безусловно, несомненно, как известно». Таким образом, в этом случае заведомость означает достоверное, несомненное, безусловное знание о беременности женщины, т. е. это «истина в последней инстанции», это понимание факта как неизбежного. Смоделируем ситуацию – К. сообщает своему знакомому Н., что беременна. Н. не желая ребенка и воспринимая реально сообщение К., убивает ее. Будет ли в данном случае знание Н. достоверным, безусловным и несомненным?

Следующее, указание на характеристику личности потерпевшей в п. г ч. 2 ст. 105 является квалифицирующим признаком объективного характера. Как верно указано в юридической литературе «умысел характеризуется осознанием общественной опасности совершаемого деяния. А применительно к квалифицированным составам это требование означает осознание повышенной общественной опасности деяния, что предполагает обязательное знание субъектом тех фактических обстоятельств, которые и повышают эту опасность»¹. Иными словами – квалифицирующие признаки объективного характера вменяются в вину лицу лишь в том случае, если это лицо их осознает. В свою очередь есть ли указание в законе на заведомость по отношению к квалифицирующему признаку либо это указание отсутствует, правоохранительным органам и суду необходимо будет осознание квалифицирующего признака установить и доказать.

¹ Рарог, А.И. Калификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб.: Питер, 2003. – С. 169.

Исходя из вышеперечисленного само слово заведомость никакой смысловой нагрузки не несет, а напротив может усложнить задачу – доказать и установить безусловное и несомненное знание о беременности можно лишь при наличии хотя бы одного из следующих условий:

1. такой срок, при наличии которой беременность становится явной для окружающих.

2. виновный является врачом и лично участвовал в обследовании потерпевшей

3. потерпевшая предъявила справку, подтверждающую ее беременность, обвиняемому и он в силу каких – либо своих профессиональных навыков не усомнился в ее подлинности.

Н.А. Лопашенко выделила несколько заметных недостатков законодательной техники уголовного закона, в число которых она отнесла и избыточность уголовного закона. Избыточность закона в терминологии предполагает употребление «лишних», не подтвержденных действительной необходимостью лексических форм и выражений. И то, и другое на практике приводит к усложнению восприятия текста уголовно – правовой нормы и возникновению сложностей при доказательстве излишне введенных в закон терминов¹. На наш взгляд одним из таких примеров терминологической избыточности является и слово «заведомость» в тексте УК РФ.

Поэтому предлагаем исключить указание на заведомость из формулировки п. г ч. 2 ст. 105 УК РФ, тем более, что принцип вины допускает такую возможность.

Далее, в теории достаточно спорным является вопрос о квалификации действий лица, когда оно при убийстве ошибочно полагало, что женщина беременна. В науке представлено как минимум 4 варианта квалификации

¹ Лопашенко, Н.А. Недостатки законодательной техники уголовного кодекса России как препятствие для его эффективного применения и криминогенный фактор / Н.А. Лопашенко // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III научно – практической конференции. – М.: ЛексЭст, 2004. – С. 40.

действий лица, которое причинило смерть потерпевшей при этом ошибочно полагая, что она находится в состоянии беременности: «1) по ч. 3 ст. 30, п. г ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ; 2) по п. г ч. 2 ст. 105 УК РФ; 3) по ч. 3 ст. 30, п. г ч. 2 ст. 105 УК РФ; 4) по ч. 1 ст. 105 УК РФ»¹.

До 2005 г. в судебной практике применялся первый вариант. Как отмечали некоторые ученые это была своего рода сложная фикция, при помощи которой предпринималась попытка связать в единое целое направленность умысла и фактически наступившее последствие². Однако такой вариант, на наш взгляд противоречат принципу справедливости. Потому что действия лица, которое убивает действительно беременную женщину достоверно зная о наличии беременности, квалифицируются по п. г ч. 2 ст. 105 УК РФ и наказание в этом случае назначается в рамках санкции одной статьи, а действия лица, которое убивает женщину фактически не беременную будут квалифицированы по двум частям ст. 105 УК РФ и наказание будет назначаться в соответствии с правилами, изложенными в ст. 69 УК РФ. Таким образом, получается, что лицо, действия которого были менее общественно опасными, будет наказано строже. И уж совсем скромную роль в этом случае играет ч. 2 ст. 6 УК РФ.

Суть второй позиции (п. г ч. 2 ст. 105 УК РФ) заключается в том, что суд признает наличие отягчающего обстоятельства, которого в действительности нет. Указанный вариант согласуется с принципом вины, но принцип справедливости опять «страдает».

Третий вариант (ч. 3 ст. 30, п. г ч. 2 ст. 105 УК РФ). Наиболее яркими представителями этого подхода являются В.А. Якушин и В.В. Назаров. Они высказывают следующую мысль: «Если виновный ошибочно полагает, что убивает женщину, находящуюся в состоянии беременности, его действия

¹ Кротова, Л.А. К вопросу о соотношении целесообразности и субъективного вменения при применении ст. 105 УК РФ / Л.А. Кротова. – М.: Проспект, 2009. – С. 533.

² Ситникова, А.И. Правоприменительные фикции при ошибки в свойствах потерпевшей / А.И. Ситникова // Юридический мир. – 2007. – № 4. – С. 29.

нужно квалифицировать как покушение на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Здесь нельзя квалифицировать деяние как оконченное преступление – по п. 1 ч. 2 ст. 105 УК РФ, на том основании, что потерпевшей причинена смерть. Виновный ошибся не в личности, как носителе каких-то общесоциальных качеств, а в особенностях тех признаков, которые присущи только данной личности, в данный момент ее физиологического состояния. И коль скоро на эти квалифицирующие свойства потерпевшего фактического воздействия не было, то и вменять их нельзя, а значит нельзя квалифицировать это деяние как оконченное преступление. Норма о неоконченной преступной деятельности в данном случае наиболее правильно отражает существо дела. Она показывает направленность действий виновного и то, что результат, к которому он стремился, не наступил по причинам, не зависящим от его воли»¹. Мы также считаем, что такое решение согласуется с принципом вины и справедливости, но вступает в противоречие с Общей частью УК РФ. Потому что с одной стороны смерть потерпевшей наступила, а с другой, покушением на убийство исходя из анализа ч. 3 ст. 30 УК РФ мы признаем умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение убийства, если при этом убийство не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам. Как известно состав ст. 105 УК РФ – материальный и преступление не будет окончено, если смерть не наступила.

В 2005 г. Президиум ВС РФ из «четырех зол» выбрал наименьшее.

В июле 1997 г. К. со своей знакомой К. в ее доме употреблял наркотические средства. К. сообщила, что она беременна, и потребовала 50 миллионов неденоминированных рублей, угрожая в противном случае заявить о том, что К. ее якобы изнасиловал. На почве возникшей в связи с

¹Якушин, В.А. Ошибка в уголовном праве и ее влияние на пределы субъективного вменения (теоретические аспекты) / В.А. Якушин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=180>

этим неприязни, воспринимая реально сообщение К. о беременности, К. ударил ее бутылкой по голове, затем несколько раз ногой по лицу, отчего потерпевшая потеряла сознание. Перетащив К. на кухню, К. из веревки сделал петлю, накинул К. на шею и привязал к ручке створки печи. В результате механической асфиксии потерпевшая скончалась на месте происшествия. Судебно-медицинской экспертизой установлено, что в состоянии беременности она не находилась.

В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просит изменить судебные решения в части совершенного К. убийства, так как полагает, что за одно и то же действие, направленное на лишение жизни потерпевшей, К. необоснованно осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ и ст. 30 ч. 3, ст. 105 ч. 2 п. г УК РФ.

Рассмотрев надзорное представление с проверкой материалов уголовного дела, Президиум Верховного Суда Российской Федерации находит изложенные в надзорном представлении доводы подлежащими удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений может быть признано одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями Уголовного Кодекса.

Из приговора видно, что одни и те же действия К. суд квалифицировал и как убийство, и как покушение на убийство, то есть по различным частям одной статьи УК РФ.

Поскольку умысел К. на лишение жизни К. был полностью реализован и в результате его действий наступила смерть потерпевшей, квалификация его действий как покушение на убийство является излишней, и осуждение по этой статье Уголовного кодекса должно быть исключено из судебных постановлений¹.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 361 «Об исключении из приговора осуждения по ч. 3 ст. 30, п. г ч. 2 ст. 105 УК РФ и указания о признанииотягчающим

Другой пример, который приводится в юридической литературе. Г., являясь уверенным, что его сожительница Б. находится в состоянии беременности, на почве ссоры взял охотничье ружье и выстрелил потерпевшей в голову, в результате чего наступила ее смерть. Суд квалифицировал действия Г. по ч. 3 ст. 30, п. г ч. 2. ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ, признав что умысел на убийство заведомо беременной женщины Г. не довел до конца по независящим от него обстоятельствам, так как потерпевшая не находилась в состоянии беременности, о чем он не знал. Президиум Верховного Суда РФ исключил из состоявшихся по этому делу судебных решений указание на ч. 3 ст. 30, п. г ч. 2. ст. 105 УК РФ по следующим основаниям. Согласно ч. 2 ст. 17 УК РФ, совокупностью преступлений может быть признано одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ. Таким образом, суд ошибочно квалифицировал действия Г. по совокупности преступлений. Но поскольку умысел на лишение жизни потерпевшей был им полностью реализован и в результате его действий наступила смерть потерпевшей, содеянное было квалифицировано только по ч. 1 ст. 105 УК РФ¹.

По нашему мнению, такое решение в некоторых ситуациях является вполне приемлемым. Однако, согласимся с теми авторами, которые считают, что при подобном подходе не всегда учитывается субъективный критерий повышенной степени общественной опасности такого убийства.² Поэтому, считаем, что действия виновного в случае ошибочного представления

обстоятельством рецидива преступлений» от 09.06.2004 // Доступ из СПС «Консультант Плюс»

¹ Дядюн, К. Квалификация убийства женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности / К. Дядюн // Уголовное право. – 2011. – №3. – С. 21.

² Нуркаева, Т.Н. Некоторые проблемы квалификации убийства, совершенного с отягчающими обстоятельствами / Т.Н. Нуркаева // Российский судья. – 2004. – № 7. – С. 27; Бавсун, М. Влияние направленности умысла на квалификацию убийств, совершаемых при отягчающих обстоятельствах / М. Бавсун, Н. Вишнякова // Уголовное право. 2006. – № 1. – С. 9.

виновного о свойствах личности потерпевшей должны быть квалифицированы исходя из мотивов совершения преступления.

Если виновный убивает женщину полагая, что она беременна, но мотивом убийства является не ее состояние, то квалифицировать необходимо по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Тем более, что беременной она все же не являлась. И в этом аспекте указанное решение ВС РФ является вполне оправданным. В другой ситуации, когда мотивом преступления является именно беременность, хотя бы и предполагаемая, то действия виновного необходимо оценивать по п. г ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ относится к преступлениям против жизни и здоровья личности. Проблемы в сфере борьбы с такими преступлениями всегда привлекали внимание ученых и практиков. В последние годы ситуация не изменилась. По данным МВД за период с января по август 2011 г. в результате преступных посягательств погибло 26 тыс. человек, здоровью 32,3 тыс. человек причинен тяжкий вред.

Помимо этого в России сложилась очень сложная суицидальная ситуация. По данным ВОЗ мы являемся страной с очень высоким показателем самоубийств.

По данным Федеральной службы государственной статистики количество умерших в Челябинской области за январь – август 2011 года составляет 33373 человек. Из них жизнь самоубийством закончило 758 человек. Однако, далеко не все ученые и практики склонны доверять этим цифрам. Например, старший следователь отдела по расследованию особо важных дел прокуратуры Хабаровского края А. Калинин высказал следующую мысль: «Тем не менее, полностью доверять такой статистике нельзя, поскольку система ее формирования далека от совершенства и не всегда точно отражает

действительное положение дел... будет правильным считать, что реальное число самоубийств в нашей стране значительно выше...»¹.

В группу риска попадают не только люди с расстройством нервной системы, но и подростки. В 2011 г. Челябинская область поставила «рекорд» по суицидам школьников. 4 мая в поселке Магнитный Агаповского района повесилась семиклассница. В этот же день в поселке Березки Кизильского района сунула голову в петлю девятиклассница. 19 мая челябинская пятиклассница выпрыгнула из окна школы. 21 мая в Снежинске с восьмого этажа выбросилась 13-летняя девочка. 26 мая в селе Кизильского района родные нашли 11-летнего мальчика в бане с затянутым на шее ремнем. 31 мая выбросилась из окна общежития 19-летняя учащаяся челябинского профучилища и повесилась 14-летняя школьница.

Однако, в некоторых случаях уход из жизни не является полностью добровольным решением, мы имеем ввиду, что часть самоубийств совершается под негативным давлением и воздействием третьих лиц. Так, 31 января 2007 года в Челябинском авиационном училище штурманов покончил жизнь самоубийством 16-летний курсант Никита Самитов. Челябинская военная прокуратура возбудила по данному факту уголовное дело по статье 110 УК РФ – «доведение до самоубийства».

Помимо этого, жертва может быть обманом введена в заблуждение относительно существования обстоятельств, касающихся ее жизни, и под влиянием этого причинить себе смерть (например, человеку внушена ложная мысль, что он болен неизлечимой болезнью, а избавлением от предстоящих мучений может служить самоубийство)².

Практически во всех странах такое воздействие является уголовно наказуемым. Норма о доведении до самоубийства нашла в свое отражение в

¹ Калинин, А. Обусловленность уголовной ответственности за доведение до самоубийства / А. Калинин // Законность. – 2007. – № 5. – С. 45.

² Капинус, О.С. Современное уголовное право России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей / О.С. Капинус. – М.: «Буквовед», 2008. – С. 264.

уголовных кодексах: Азербайджана (ст. 125), Албании (ст. 99), Беларуси (ст. 145), Грузии (ст. 115), Латвии (ст. 124) и других странах.

Так называемое «подстрекательство или помощь в самоубийстве» в некоторых странах также уголовно наказуемо. Например: ст. 202 УК Японии содержит следующее положение – «Тот, кто подготовил человека к убийству, или оказал ему помощь в самоубийстве, или убил человека по его настоянию или с его согласия, наказывается...».

В ходе подготовки УК РФ 1996 г. была предпринята попытка ввести ответственность не только за доведение до самоубийства, но и за склонение к нему. Однако законодатель предусмотрел ответственность только за доведение до самоубийства.

Значительный интерес для нас представляет анализ субъективной стороны ст. 110 УК РФ, потому что именно она является одним из наиболее дискуссионных вопросов при квалификации деяния как «Доведение до самоубийства» и представляет собой значительную сложность, тем не менее это не освобождает правоприменителя от необходимости в каждом конкретном случае устанавливать субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Следует иметь в виду, что ее трактовка в теории уголовного права далеко неоднозначна.

Так, одни авторы исходят из того, что такое преступление может быть совершено только с косвенным умыслом, когда лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий (т.е. самоубийства или попытки самоубийства потерпевшего), не желало, но изначально допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично¹. Наличие прямого умысла образует, по их мнению, убийство. Но, как верно заметила Ю.А. Уколова: «сторонники названной точки зрения не учитывают особенности объективной стороны анализируемого преступления, имеющие,

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Н. Радченко. – М.: Зерцало, 2000. – С. 232.

на наш взгляд, принципиальное значение для отграничения его от убийства»¹.

Другие считают возможным совершение этого преступления не только с косвенным, но и с прямым умыслом². Эту позицию давно и плодотворно отстаивает и судебная практика. В юридической литературе очень распространен следующий пример, мы также не можем его не привести, в Постановлении президиума Московского городского суда от 04 апреля 2002 г. по делу Кузина указано – «Согласно закону уголовной ответственности за доведение до самоубийства подлежит лицо, совершившее это преступление с прямым или косвенным умыслом. Виновный сознает, что указанным в законе способом принуждает потерпевшего к самоубийству, предвидит возможность или неизбежность лишения им жизни и желает (прямой умысел) или сознательно допускает наступление этих последствий либо относится к ним безразлично (косвенный умысел)»³. Приведем еще один пример из судебной практики. По приговору суда Ш. признан виновным в совершении в период с 08 мая по декабрь 2006 года семи вымогательств денежных средств у несовершеннолетнего Е. Кроме того, Ш. и В. признаны виновными в вымогательстве в период с декабря 2006 года по 09 мая 2007 года денежных средств у несовершеннолетнего Е., совершенном группой лиц по предварительному сговору, и в доведении несовершеннолетнего Е. до самоубийства путем угроз и систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

В кассационных жалобах:

– адвокат Перескокова Т.И. просила приговор суда в части осуждения Ш. по ч. 1 ст. 163 и ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации отменить,

¹ Уколова, Ю.А. Формы вины при доведении до самоубийства / Ю.А. Уколова // Российский следователь. – 2007. – № 12. – С. 29.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1996. – С. 250, 251.

³ Постановление президиума Московского городского суда от 04 апреля 2002 г. по делу Кузина // БВС РФ. – 2003. – № 4. // Доступ из СПС Консультант плюс

дело направить на новое судебное разбирательство. Оспаривая обоснованность осуждения Ш. по ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации, адвокат указывала на отсутствие у Ш. не только прямого, но и косвенного умысла на доведение Е. до самоубийства;

– адвокат Скоморохов В.Е. просил приговор суда в отношении В. отменить, дело направить на новое судебное разбирательство, мотивируя свою просьбу тем, что органами следствия и судом не установлены доказательства наличия у В. прямого или косвенного умысла на доведение Е. до самоубийства.

Принимая во внимание отсутствие доказательств, свидетельствующих о наличии у Ш. и В. прямого или косвенного умысла на доведение Е. до самоубийства, коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда нашла приговор суда в части осуждения Ш. и В. по ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации подлежащим отмене, а производство по делу - прекращению в связи с отсутствием в действиях осужденных состава преступления¹.

Но справедливости ради отметим, что иногда появляются и противоположные решения, являющиеся, как правило, исключением. В Кассационном определении ВК ВС РФ высказано следующее – «с субъективной стороны данное преступление характеризуется тем, что виновный должен иметь умысел, либо предвидеть возможность самоубийства потерпевшего с учетом психологических особенностей этой личности, в результате систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего».

Третья группа ученых считает, что доведение до самоубийства возможно только по неосторожности. В защиту своей позиции помимо прочих аргументов приводят следующее решение суда. Кассационным определением Верховного Суда РФ был признан законным и обоснованным приговор

¹ Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (IV квартал 2008 года (19)) // Доступ из СПС «Консультант Плюс»

Архангельского областного суда в отношении Ш. и К., признанных виновными в совершении преступления, предусмотренного п. ж ч. 2 ст. 105 УК РФ.

По материалам уголовного дела Ш. и К. с целью «проучить» за жестокое обращение с женой (родственницей Ш.) пришли в дом к П. и начали его избивать. П., признав себя неправым по отношению к супруге и утверждая, что он после всех своих действий не достоин жизни, попросил повеситься на чердаке дома. Однако Ш. и К. отказали ему в этом, объяснив, что вешаться в доме - плохая примета, и предложили ему выйти на улицу. С этой целью Ш. и К. связали руки П. и втроем отправились на берег реки. Потерпевший, будучи значительно сильнее и крупнее Ш. и К., не сопротивлялся действиям последних. Выбрав подходящее дерево, Ш. залез на него и перекинул веревку через ветку. П. самостоятельно встал на лежащее рядом бревно. К. надел петлю на шею П. и другой конец веревки закрепил на стволе. После этого Ш. и К. отошли в сторону. П. шагнул с бревна, но веревка не натянулась, после этого он сам подогнул колени, что и вызвало затягивание петли. Ш. и К. подождали некоторое время, сняли П. с дерева и закопали.

В процессе предварительного расследования и судебного разбирательства обвиняемые настаивали на вменении им ст. 110 УК РФ, объясняя это тем, что не имели умысла на убийство П., да и вообще не знали, что будут с ним делать, когда приходили в дом.

Вместе с тем суд расценил содеянное как убийство¹.

Наконец, высказывается точка зрения, связывающая субъективную сторону доведения до самоубийства не только с умышленной виной, но и неосторожной. Эта позиция ученых представляется нам наиболее правильной по следующим причинам:

1. В тех случаях, когда в диспозиции статьи субъективные признаки отсутствуют, мы пользуемся правилом, закрепленному в ч. 2 ст. 24 УК РФ,

¹ Уколова, Ю.А. Форма вины при доведении до самоубийства / Ю.А. Уколова // Российский следователь. – 2007. – № 12. – С. 18.

согласно которому в преступлениях, где законодатель прямо не указывает, что они могут совершаться только по неосторожности, допустима как умышленная, так и неосторожная форма вины. Таким образом, когда суды выносят решения, в которых указано, что доведение до самоубийства возможно только с умышленной формой вины, они выходят за рамки своих полномочий и по большому счету берут на себя функции законодателя.

2. Если мы откажемся от доведения до самоубийства совершенного по неосторожности, то проблема самоубийств в нашей стране станет еще острее и большое количество лиц незаслуженно уйдут от ответственности. Таким образом, состав доведения до самоубийства лишится своего социального содержания. Наглядным примером является дело Михеева, которого сотрудники правоохранительных органов принуждали сознаться в изнасиловании и убийстве девушки, пропавшей 10 сентября 1998 г. На протяжении всего следствия к Михееву применяли физическую силу, наносили побои, угрожали, что поместят в общую камеру с рецидивистами и объявят им, что Михеев - сотрудник милиции, изнасиловавший и убивший несовершеннолетнюю девушку, угрожали, что применят пытки, в частности, электротоком.

19 сентября (после признания Ф, который якобы являлся соучастником Михеева, и неудачных поисков трупа), Михеева привезли из ИВС в Ленинский РУВД, где он был допрошен начальником отдела уголовного розыска, который сказал, что не верит утверждениям Михеева о невиновности и угрожал ему применением пыток. После этого Михеева отвели в кабинет на 3-м этаже, где сотрудник РУВД К. и С. применили к Михееву пытку электротоком. Подключение тока повторялось несколько раз, в результате чего Михеев был вынужден сознаться в изнасиловании и убийстве. После получения признания Михеева перевели в другой кабинет, где его стал допрашивать заместитель прокурора области. Михеев заявил, что невиновен и повторил показания, которые давал до пытки. По словам

Михеева, он сообщил прокурору, что к нему применяют недозволённые методы воздействия, хотя конкретно на пытки электротоком указать побоялся. Не получив от Михеева признательных показаний, прокурор распорядился «отвести его туда откуда привели». После этого Михеева опять привели в кабинет, где применили пытку током. Затем в кабинет зашли несколько человек, среди которых Михеев узнал двух сотрудников Богородского ГОВД и прокурора г. Богородска. В присутствии Богородского прокурора Михееву пообещали, что если он не сознается и не скажет где труп, его сильно избьют. После чаепития прокурор и пришедшие с ним сотрудники милиции ушли. Оставшиеся милиционеры стали угрожать Михееву продолжением пыток.

По описаниям Михеева после применения пыток состояние его психики было таково, что он сам начал сомневаться в том, что не совершал убийства. Страхась повторения пыток, Михеев согласился сделать признание в убийстве, но не мог показать место, где находится труп. Ему опять стали угрожать пыткой. Михеев сказал, что он не помнит, где зарыт труп, но ему не верили. В конце концов Михеев нарисовал схему места захоронения трупа. Потом Михееву предложили сознаться еще в нескольких нераскрытых убийствах. Алексей согласился и на это. После этого сотрудники милиции отошли от Михеева и стали пить чай. Михеев, не отдавая отчета в своих действиях и, по-видимому, находясь в реактивном состоянии после применения пыток, вскочил со стула, на котором его пытали, и выбросился из окна кабинета, разбив стекло головой. Упав на милицейский мотоцикл, стоявший во дворе РУВД, Алексей получил ряд травм, в том числе тяжелый компрессионный перелом позвоночника с разможжением спинного мозга. В этот же день, 19 сентября 1998 года, «убитая» им девушка пришла домой.

21 сентября 1998 г. прокуратурой Ленинского района г. Нижнего Новгорода было возбуждено уголовное дело по статье 110 УК РФ (доведение до самоубийства). Через три месяца уголовное дело было прекращено с

указанием на то, что действия сотрудников милиции соответствовали закону, а «показания Михеева следует расценивать как защитную реакцию в оправдание своего поступка – попытки покончить жизнь самоубийством». В результате жалоб Михеева следствие по делу было возобновлено, но затем опять прекращено. В течение последующих лет следствие по делу возобновлялось и прекращалось многократно. Органы прокуратуры не проводили необходимых следственных действий, неверно протоколировали показания некоторых свидетелей, необъективно оценивали уже собранные по делу доказательства.

Осенью 2001 г., после 3 лет расследования представители Михеева направили жалобу в Европейский Суд. Решение о приемлемости жалобы Михеева было вынесено Судом 7 октября 2004 г. После этого следствие по его делу активизировалось. 30 июня 2005 г. органы прокуратуры вынесли обвинительное заключение в отношении двух сотрудников милиции (тех, кто непосредственно принимал участие в пытках Михеева). 30 ноября 2005 г. суд Ленинского района г. Нижнего Новгорода приговорил сотрудника Ленинского РУВД С. и бывшего сотрудника этого же РУВД К. к 4 годам заключения в колонии общего режима за применение пыток к Алексею Михееву.

3. Помимо этого работникам правоохранительных органов и судов легче будет обосновывать норму, содержащуюся в ст. 110 УК РФ, благодаря чему приговоры судов в части осуждения по ст. 110 останутся в силе и меньше дел на этапе предварительного расследования будут возвращаться на дополнительную проверку. Это в свою очередь превратит норму, предусмотренную ст. 110, в высокоэффективную и применяемую.

Между тем, если мы признаем, что доведение до самоубийства возможно и с неосторожной формой вины, то получим состав, в котором и умысел и неосторожность будут обладать одинаковой мерой наказания. Указанная ситуация нарушает принцип дифференциации уголовной ответственности. В

то же время «пределы санкции должны быть прямо пропорциональны конкретности и точности признаков состава, описанных в диспозиции. Чем определеннее и конкретнее описана объективная сторона преступления, тем уже могут быть максимальные и минимальные пределы санкций»¹.

Поэтому мы предлагаем следующее решение:

1. Изменить ст. 110 УК РФ и изложить ее в новой редакции:

Статья 110. Умышленное доведение до самоубийства

«Умышленное доведение лица до самоубийства или до покушение на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего – наказывается лишением свободы от трех до пяти лет».

2. Ввести ст. 110.1 Доведение до самоубийства по неосторожности

«Доведение лица до самоубийства или до покушение на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, совершенное по неосторожности – наказывается лишением свободы на срок до двух лет».

Одним из наиболее сложных вопросов, возникающих в теории и правоприменительной практике, является вопрос о субъективной стороне состава, предусмотренного ст. 125 УК РФ.

Исследование следственной и судебной практики показало, что чаще всего возникают трудности с юридической оценкой оставления беспомощных потерпевших без надлежащего ухода или подкидывания малолетних детей.

Например, Болотова А.Е. оставила новорожденного ребенка зимой в неотапливаемом помещении и ушла в кафе, где в компании знакомых распивала спиртные напитки до 14.00 часов следующего дня. Соседи Болотовой слышали детский плач и попытались проникнуть в квартиру, откуда он доносился, однако дверь никто не открывал. Тогда граждане

¹ Ковалев, М.И. О технике уголовного законодательства / М.И. Ковалев // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 145.

вызвали бригаду скорой помощи и сотрудников МЧС. Прибывшими специалистами в квартире обнаружен заплаканный и замерзший новорожденный малыш. Прокуратурой города Великие Луки утверждено обвинительное заключение, и в Великолукский городской суд для рассмотрения по существу направлено уголовное дело по обвинению Болотовой А.Е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ¹.

В Перми другая Болотова, мать двух малолетних детей 4 и 6 лет, в вечернее время оставив их одних без присмотра дома, закрыла дверь снаружи на ключ и ушла отдыхать со своими знакомыми в кафе. Примерно через час, в результате неосторожного обращения с огнем и легковоспламеняющимися жидкостями, которые находились в доступном для детей месте, произошел пожар. В результате чего малолетние дети погибли на месте в короткий промежуток времени от отравления угарным газом, так как не смогли самостоятельно покинуть закрытую квартиру или позвать на помощь. Приговором мирового судьи Болотова признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ (оставление в опасности)².

Во Владимире Костина у себя дома в компании приятелей распивала спиртное. В этой же квартире, в другой комнате с открытым балконом, находился ее годовалый сын. Предоставленный сам себе ребенок выполз на незастекленный балкон, сорвался и упал на землю с третьего этажа. В связи с тем, что он упал на выступавшие из земли корни деревьев, получил лишь незначительные ссадины. Мировой суд признал Костину виновной в преступлении, предусмотренном ст. 125 УК РФ (оставление в опасности)³.

¹ Новости Прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://procrf.ru/news/103279-pered-sudom-predstanet-mat.html>

² Прокуратура Пермского края. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prokuror.perm.ru/news/2009/07/02/2586/?print>

³ Владимирские ведомости, 2009, № 103. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.promreview.net/vladimir/10-mesyatsev-kolonii-za-ostavlenie-rebenka-v-opasnosti>

В Елабуге Козлова в состоянии алкогольного опьянения ушла из дома, где находилась ее полутороговая дочь и не возвращалась в течение двух суток. Все это время Козлова распивала спиртные напитки со своими знакомыми. В результате девочка скончалась. Как установили эксперты, смерть ребенка наступила в результате белково-энергетической недостаточности (истощения) организма 3 степени. Елабужским городским судом Козлова признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ст. 125 и ч. 1 ст. 109 УК РФ¹.

Полагаем, что трудности в квалификации оставления в опасности связаны как со сложной конструкцией его объективной стороны, так и неоднозначным пониманием вины.

Объективная сторона оставления в опасности выражается в бездействии, то есть невыполнении виновным тех действий, которые он должен был совершить для оказания помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии. В диспозиции названной нормы законодатель называет два объективных основания привлечения к ответственности за бездействие: обязанность виновного иметь заботу о потерпевшем и поставление виновным потерпевшего в опасное для жизни или здоровья состояние. Наличие субъективного основания предполагает, что виновный реально мог оказать помощь лицу, находящемуся в опасном состоянии.

Таким образом, оставление в опасности может быть осуществлено в двух формах:

1) виновный, будучи обязанным заботиться о потерпевшем, не предотвращает опасность для его жизни или здоровья, возникшую без непосредственного участия субъекта: в результате неосмотрительного поведения самого потерпевшего или третьих лиц, сил природы, чрезвычайных ситуаций техногенного характера и т.д.

¹Прокуратура республики Татарстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-58511>

2) виновный оставляет потерпевшего без помощи в опасном состоянии, которое создано самим субъектом преступления.

Полагаем, что оставление в опасности в первой форме не может «конкурировать» с преступлениями против жизни, поскольку, по нашему мнению, бездействие не может быть признано причиняющим, а преступный результат может наступить лишь в результате действия каких-либо активных сил. Наступление смерти потерпевшего в этом случае не находится в причинной связи с бездействием виновного, его поведение является лишь условием для развития причины иного характера. Поэтому такое оставление в опасности, даже приведшее к наступлению смерти потерпевшего, подлежит квалификации только по ст. 125 УК РФ.

Во втором варианте рассматриваемого преступления бездействию субъекта предшествуют его действия, создающие опасность. И из этого поведенческого комплекса причиняющей способностью обладает не бездействие виновного — оставление в опасности, а его предшествующее действие — создание опасного для жизни потерпевшего состояния. Именно это состояние, созданное самим виновным, способно вызвать причинение смерти потерпевшему, поэтому на практике и возникают сложности с разграничением данной формы оставления в опасности с преступлениями против жизни. При этом тщательной юридической оценки требуют не только случаи наступления смерти потерпевшего в результате оставления в опасности, но и ситуации, в которых последствий удалось избежать, дабы отграничить их от покушения на убийство.

Полагаем, что квалификация оставления в опасности, которому предшествовало поставление потерпевшего в опасное состояние самим виновным, будет верной только в том случае, если она основана на глубоком анализе содержания субъективной стороны.

Само оставление в опасности совершается с прямым умыслом, это подтверждается и конструкцией состава преступления, и указанием на заведомость оставления потерпевшего в опасности.

В то же время констатация прямого умысла на оставление в опасности возможна и том случае, когда виновный, желая причинения смерти потерпевшему, по каким-то причинам не доводит задуманное до конца, оставляя последнего без помощи и надеясь, что нужный виновному преступный результат наступит сам, без его участия. Однако привлечение виновного к ответственности за оставление в опасности будет означать объективное вменение ему только того, что он фактически совершил, без учета направленности умысла. Таким образом, признаваемый российским уголовным правом принцип вины, в том числе запрет объективного вменения, требует при квалификации действий субъекта преступления исходить из его психического отношения к совершенному деянию и его последствиям, в том числе и ненаступившим по не зависящим от него причинам. Это, в свою очередь, дает нам основание утверждать, что в случае, когда виновный сам с умыслом на убийство поставил потерпевшего в опасное для жизни состояние, а затем оставил его без помощи, ответственность должна наступать не за оставление в опасности, а при наступлении смерти – за убийство, при ненаступлении желаемого результата – за покушение на убийство.

Не скроем, доставляют истинное удовольствие такие решения, в которых суд на основе тщательного анализа содержания субъективной стороны дает верную оценку оставления малолетнего ребенка в опасности.

Так, 21 ноября 2010 года около двух часов ночи Шишкин, поссорившись с женой, завернул находящегося без одежды малолетнего сына в пеленку и вышел с ним на улицу, где температура воздуха составляла минус 10,9 градусов. С ребенком на руках Шишкин проследовал на железнодорожные пути. Заведомо зная, что ребенок в силу малолетства находится в

беспомощном состоянии, не способен самостоятельно передвигаться, Шишкин положил его в междупутье железнодорожного пути и вернулся домой. В 2 часа 20 минут ребенок был обнаружен проходящим мимо К. и доставлен в больницу для оказания медицинской помощи. Суд квалифицировал действия подсудимого Шишкина по ст. ст. 30 ч. 3, 105 ч. 2 п. «в» УК РФ (в редакции ФЗ от 27. 12. 09.) – покушение на убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, в силу малолетства находящегося для него в заведомо беспомощном состоянии, не доведенное до конца по независящим от него обстоятельствам.

По мнению суда, об умысле подсудимого на убийство свидетельствуют его действия – при минусовой температуре он голого ребенка, находящегося в заведомо беспомощном состоянии, завернутого в одну пеленку унес и оставил в междупутье железнодорожного пути вблизи рельсов. При этом он осознавал общественную опасность своих действий, предвидел неизбежность наступления смерти ребенка от низкой температуры и травмирования его подвижным железнодорожным транспортом и желал этого, то есть совершил покушение на убийство с прямым умыслом¹.

В другом примере, Осина Е.В. и ее брат Осин А.В. в ночь с 31 мая на 1 июня 2011 года договорились совершить убийство 10-месячного сына Осиной Е.В. Мать унесла сына на руках из вагончика, скрытно пронесла мимо жилых домов, при этом брат следовал с ней и в соответствии с распределением ролей наблюдал за окружающей обстановкой, затем они подошли к проезжей части дороги, где Осина Е.В. передала сына Осину А.В., а тот положил ребенка на центр проезжей части дороги с интенсивным автомобильным движением. Смерть ребенка не наступила по независящим от Осиных обстоятельствам ввиду того, что Г.А.Ю., двигавшаяся на низкой скорости на автомашине, обнаружила на проезжей части сидящего ребенка, остановилась и посредством вспышки дальним светом фар стала

¹ Дело по обвинению Шишкина Е.Е. ... из архива Иркутского областного суда за 2011 г. // Доступ из СПС Консультант плюс

предупреждать о имевшемся препятствии на дороге двигавшийся по встречной полосе дороги грузовой автопоезд, водитель которого успел затормозить и избежать наезда на ребенка.

По мнению суда, подсудимые действовали с прямым умыслом, направленным на убийство малолетнего ребенка, то есть они осознавали общественную опасность своих действий (помещение десятимесячного ребенка на середину проезжей части дороги с интенсивным движением автомобилей), предвидели возможность наезда на ребенка автомашины и его смерть под колесами, и желали наступления его смерти. Поэтому действия Осинной Е.В. и Осина А.В. квалифицированы по ст. 30 ч. 3 и ст. 105 ч. 2 п.п. в, ж УК РФ, как покушение на умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное в отношении малолетнего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, группой лиц по предварительному сговору.

В то же время встречаются такие решения, в которых недостаточный анализ субъективной стороны, особенно в отношении как наступивших, так и возможных последствий, не позволил суду выполнить правильную квалификацию содеянного.

Например, 19 июня 2010 года Кулиманина на коляске увезла полуторамесячную дочь в лес, достала из коляски и оставила на траве. После этого, скрывая преступные действия, злоумышленница обратилась в правоохранительные органы с заявлением о том, что ребенка силой забрали неизвестные мужчины и увезли на автомобиле «Волга». В тот же день плачущий младенец был обнаружен в траве среди деревьев жителями деревни Нижняя Талица и сразу передан фельдшеру. Кулиманина признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ст. 125 УК РФ

(оставление в опасности) и ч. 1 ст. 306 УК РФ (заведомо ложный донос о совершенном преступлении)¹.

В другом случае также за оставление в опасности был осужден К., избивший своего больного брата и оставивший его без сознания на полу неотапливаемого помещения, в результате чего потерпевший скончался.

Приведенные в статье примеры показывают, что не у всех работников судебной системы и правоохранительных органов сформировано достаточно ясное представление относительно разграничения оставления в опасности с преступлениями против жизни.

Учитывая изложенное выше, считаем возможным рекомендовать следующий алгоритм юридической оценки оставления в опасности:

1. Если опасное состояние создано не субъектом преступления, то оставление им потерпевшего в опасности, независимо от того, наступили последствия или нет, и как он к ним относился, всегда квалифицируется по ст. 125 УК РФ.

2. Если в отношении и поставления потерпевшего в опасное состояние, и оставления его без помощи, и лишения его жизни установлен умысел, то в зависимости от наступления последствий ответственность должна наступать за убийство, либо за покушение на него.

3. Если потерпевший поставлен в опасное для жизни состояние в результате неосторожных действий виновного, но потом умышленно оставлен в этом состоянии без помощи, что привело к наступлению смерти потерпевшего, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности – как оставление в опасности и причинение смерти по неосторожности.

4. Если факты поставления и оставления в опасности признаются неосторожными, то деяние виновного должно оцениваться по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение смерти по неосторожности, без учета ст. 125 УК РФ.

¹ Следственный комитет Р.Ф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sledcom.ru/news/48243.html?ID=48243&blind=on>

В заключение хотелось бы отметить, что значение правильного решения вопроса о соотношении оставления в опасности с преступлениями против жизни предопределяется их далеко не одинаковой степенью общественной опасности, а последствия ошибочной квалификации могут проявиться в равной степени как в назначении подсудимому необоснованно мягкого, так и необоснованно сурового наказания.

Помимо трудностей, с которыми столкнулись практические работники при установлении субъективной стороны в процессе квалификации преступлений против жизни, остро встал вопрос о сохранении принципа вины при конструировании и применении норм, устанавливающих ответственность за преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних.

Так, 26-27 мая 2011 г. в МГУ состоялся конгресс по уголовному праву, посвященный перспективам развития отрасли уголовного права. По итогам Конгресса профессора М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин опубликовали статью «Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития», в которой высказали следующую мысль «государство демонстрирует явно или косвенно стремление изменить содержание принципов или вовсе отказаться от них. В качестве сакрального набора уголовно-правовых идей они священны, а потому в необходимости сохранения принципов и их соблюдении при конструировании и применении уголовно-правовых норм формально никто не сомневается. Проблема в том, что требования принципов уголовного права просто молчаливо игнорируются. Они не определяют содержания уголовно-правовых решений, не препятствуют законодателю и правоприменителю действовать без оглядки на исходные начала отрасли, выступают прикрытием концептуальных нарушений уголовного закона. Принципы перестали выполнять роль фундамента и несущих стен уголовного права. Они все более превращаются

в красивый фасад, за которым идет несогласованная перепланировка уголовно-правового здания, потенциально опасная его полным обрушением».

В подтверждении сказанного авторы статьи привели ряд доказательств, который мы дополним следующим примером.

Как известно, принцип вины представляет собой основное положение уголовного права, которым руководствуются законодатель и правоприменители в своей деятельности. Тем не менее, в одном из последних законотворческих решений принцип вины оказался не просто в уязвимом положении, а был исключен из нормотворческого проекта, так как законодатель, на наш взгляд, использует неверный подход при решении вопроса усиления уголовной ответственности за педофилию.

26 января 2011 года Госдума приняла в первом чтении законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Как пояснила председатель Комитета по делам семьи, женщин и детей Елена Мизулина, законопроект устанавливает дополнительные гарантии сексуальной безопасности детей¹.

Как следовало из пояснительной записки «Целью настоящего законопроекта является повышение эффективности противодействия поражающим своей жестокостью и дерзостью преступлениям, совершаемым против половой неприкосновенности детей.

В 2010 году в Российской Федерации было совершено 961 изнасилование несовершеннолетних, из них в 384 случаях потерпевшие не достигли четырнадцатилетнего возраста. Кроме того, в отношении несовершеннолетних было совершено 1766 преступлений, предусмотренных статьями 132 и 133 Уголовного кодекса Российской Федерации. За

¹ Законопроект об усилении уголовной ответственности за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.duma.gov.ru/news/273/63658/?sphrase_id=358951

указанный период из 7598 человек, осужденных за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности (статьи 131 - 135 Уголовного кодекса Российской Федерации), более двух тысяч осужденных имели неснятые и непогашенные судимости, около пятисот человек совершили данные преступления, будучи освобожденными от отбывания наказания досрочно».

22 февраля 2012 г. СФ ФС РФ был одобрен ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Указанным ФЗ внесен комплекс изменений в УК, так из ст. ст. 121, 122, 127¹, 127², 134, 135, 240, 241, уголовного закона исчезло указание на заведомость знания виновным возраста потерпевшего.

Как совершенно верно заметила А.В. Корнеева: «В УК других стран, несмотря на то, что в тексте закона признак заведомости не указан, применяется общая норма о фактической ошибке как обстоятельстве, исключающем преступность (или наказуемость) деяния. Представляется, что в УК РФ такой общей нормой является ст. 5 УК РФ, декларирующая принцип вины¹.

В связи с этим, совершенно справедливым, по нашему мнению, замечанием совершенно неоправданными выглядят следующее высказывание: «Наличие признака заведомости означает, что уголовное преследование возбуждается только в том случае, если дознаватель установит, что совершивший преступление понимал, что перед ним несовершеннолетний, – пояснила Е. Мизулина. – На этом факте существовала и существует масса манипуляций, когда вполне законно можно отказать в возбуждении уголовного дела». В средствах массовой информации встречаются подобные комментарии. Например: «также законопроектом

¹Корнеева, А.В. Исключение указания на «заведомость» в статьях 131 и 132 УК РФ: есть ли смысл? / А.В. Ковалев. – М.: Проспект, 2012 г. – С. 324.

предусмотрено исключение признака заведомости для ряда составов в отношении несовершеннолетних. Речь идет о статьях 121 («Заражение венерической болезнью»), 122 («Заражение ВИЧ-инфекцией»), 127.1 («Торговля людьми»), 127.2 («Использование рабского труда»). Это означает, что для признания лица виновным в совершении этих преступлений нет необходимости устанавливать, знало ли оно о том, что совершает преступления против несовершеннолетнего. Предупрежден — значит, вооружен».

Таким образом, подобная рассогласованность между мнением законодателя и теорией уголовного права приводит правоприменителя к объективному вменению, которое не должно допускаться законом. На наш взгляд смысл указанных изменений должен заключаться не в том, чтобы привлекать к уголовной ответственности лицо, которое заблуждалось относительно возраста потерпевшего лица и не было о нем осведомлено, а в экономии текста уголовного закона, соблюдения принципа системности уголовного закона.

Вопрос о вине в преступлениях, связанных с нарушением специальных правил безопасного производства работ, услуг или обращения с отдельными предметами, заслуживает особого анализа. Он всегда привлекал внимание специалистов. Значительный вклад в его разработку внесли п.с. Дагель, М.С. Гринберг, В.Е. Квашис, М.Г. Угрехелидзе, А.И. Рарог и многие другие.¹

Особое место в исследовании взаимосвязи научно-технического прогресса и институтов уголовного права занимает проблема обеспечения безопасности дорожного движения. В источниках по юридической литературе отмечается: «Сочетание вечной беды – плохих дорог со стремительным ростом числа автомашин придает этой проблеме особую

¹ Мирошниченко, Н.В. Субъективная сторона преступлений, связанных с нарушением специальных правил безопасности / Н.В. Мирошниченко // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2012. – № 2(25). – С. 108.

остроту»¹; «По сравнению с европейскими странами аварийность в Российской Федерации характеризуется одним из самых высоких уровней гибели, а также тяжестью последствий»².

Практически каждый день мы видим на улицах нашего города дорожно-транспортные происшествия. Случаются они не только из-за банального незнания правил дорожного движения или случайного стечения обстоятельств, а порой отчасти и по вине водителей. Изучение практики судов г. Челябинска показало, что в большинстве случаев совершаются преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ. 10 % таких преступлений завершается прекращением уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим.

Отметим, что по сравнению с европейскими странами аварийность в Российской Федерации характеризуется одним из самых высоких уровней гибели, а также тяжестью последствий³. В связи с этим некоторые авторы справедливо замечают, что в таких условиях важно четко обозначить пределы ответственности водителя, а также дифференцировать наказание адекватно допущенным нарушениям⁴. Вопросы правильного выяснения субъективной стороны преступлений сфере безопасности функционирования транспорта и транспортных коммуникаций являются очень важными, так как от их правильного решения зависит строгая реализация виновной ответственности.

Мы рассмотрим не все преступления гл. 27 УК РФ, а лишь те, трактовка субъективной стороны которых в теории уголовного права неоднозначна. К ним относятся преступления, предусмотренные ст. 263 – 264, 266, 267, 269 УК РФ.

¹ Пикуров, Н. Отграничение состава дорожно-транспортного преступления от смежных составов преступлений / Н. Пикуров // Уголовное право. – 2009. – №6. – С. 61.

² Королев, А.Н. Комментарий к Правилам дорожного движения РФ / А.Н. Королев. – М.: НОРМА, 2006. – С. 106.

³ Королев А.Н. Указ. Сочин. – С. 107

⁴ Пикуров, Н. Отграничение состава дорожно-транспортного преступления от смежных составов преступлений / Н. Пикуров // Уголовное право. – 2009. – №5. – С. 61.

Указанные преступления являются сложными по составу, поэтому некоторые авторы пытаются относить их к преступлениям, которые совершаются с двойной формой вины. Согласно одной из точек зрения в подобных составах преступлений возможно определение вины отдельно по отношению к преступлению, включающему в себя непосредственный и отдаленный результаты¹. По мнению П.С. Дагеля и Д.П. Котова, «только при рассмотрении субъективной стороны автотранспортных преступлений по схеме смешанной формы вины возможно отграничение этих преступлений как от невиновных действий, так и от умышленных преступлений против личности, а также разграничение умышленного и неосторожного нарушения правил безопасности движения, повлекшего вредные последствия»². Подобные рассуждения мы можем встретить и в отдельных комментариях к уголовному кодексу. Например, применительно к ст. 264 – «Рассматривая такие уголовные дела необходимо помнить о сложной форме вины по данным преступлениям. Диспозиция комментируемой нормы уголовного закона говорит о прямом умысле виновного лица на нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее указанные в статье последствия».

Мы являемся сторонниками другой позиции и считаем, что нормы ст. 263 – 264, 266 – 269 УК РФ содержат только неосторожную форму вины.

Интересную мысль высказал С. В. Проценко: «лицо, нарушившее правила дорожного движения (превысило допустимую скорость движения транспортного средства), не подлежит уголовной ответственности до тех пор, пока это административное правонарушение не трансформируется в преступление в результате непосредственного физического воздействия

¹ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.1 / под ред. Н.А. Беляева. – Л., 1968. – С. 438.

² Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П.С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – С. 55.

транспортного средства на организм потерпевшего. Это означает, что деяние, причиняющее тяжкий вред здоровью человека, смерть человеку, смерть двум или более лицам, и есть то общественно опасное деяние, которое совершается непосредственно виновным лицом в результате правил движения и (или) эксплуатации»¹. Иными словами понятие «деяние» в данном случае охватывает как действие (бездействие), так и причиненные им общественно опасные последствия.

Согласившись с такой позицией, проблема определений форм вины в транспортных преступлениях потеряет свою актуальность. Однако, отечественная уголовно правовая доктрина придерживается того, что объективная сторона транспортного преступления состоит: из нарушения правил безопасности движения и (или) эксплуатации (деяние); последствий в виде тяжкого вреда здоровью, крупного ущерба либо смерти; причинной связью между соответствующим нарушением и наступившими последствиями.

Поэтому предложим следующие начала, которыми необходимо руководствоваться при решении вопроса о субъективной стороне транспортного преступления – психическое отношение лица, совершившего преступление по неосторожности необходимо устанавливать не к деянию в целом, а только к его последствиям (речь идет о преступлениях с «материальным» составом). К такому выводу можно проанализировав ряд статей УК РФ, а именно – ч. 1 ст. 5, ч. 2 ст. 9, ч. 2 и 3 ст. 25, ч. 2 и 3 ст. 26, ст. 27, ч. 1 ст. 28. Так, из законодательной характеристики интеллектуальных элементов неосторожности следует, что лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий (легкомыслие) либо лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния,

¹ Проценко, С.В. Значение общественно опасных последствий в составе транспортного преступления / С.В. Проценко // Уголовное право. – 2008. – № 1. – С. 55.

хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия (небрежность). Таким образом, мы видим, что деяние само по себе, взятое отдельно от последствий, общественной опасности не представляет и преступлением не является. По этому поводу совершенно справедливо высказался У. Крастиныш: «Такое положение объясняется тем, что само нарушение правил не является уголовно-наказуемым. Только в сочетании с вредными последствиями, которые наступили в результате нарушения, в предусмотренных уголовным законом случаях наступает уголовная ответственность. Таким образом, определяющую роль в таких преступных деяниях играют вредные последствия, психическое отношение к которым выражается в неосторожной вине, что и определяет вину в деянии»¹. Аналогичное положение было отражено и в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 06 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях», в котором указано – транспортные преступления «должны рассматриваться как совершенные по неосторожности, поскольку субъективную сторону этих деяний определяет неосторожное отношение лица к возможности наступления общественно опасных последствий при нарушении им правил безопасности движения и (или) эксплуатации транспортных средств».

Далее, если будет установлено, что деяние совершенно умышленно, содеянное влечет уголовную ответственность по статьям о преступлениях против личности² или иным соответствующим статьям Особенной части УК РФ, например ст. 167.

¹ Крастиныш, У. Субъективная сторона в структуре сложных единичных преступлений / У. Крастиныш. – М.: ЛексЭст, 2004. – С. 418 – 419.

² Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» от 09.12.2008 // Доступ из СПС «Консультант Плюс»

Отметим, что суды не испытывают сложности с установлением субъективной стороны указанных преступлений. Проанализировав практику судов Челябинской области, мы увидели – в приговорах единогласно указывается на то, что деяние совершается по неосторожности. Достаточно распространенной является формулировка: «водитель ФИО проявил преступную неосторожность».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении отметим, что исследованию института вины уделено не мало внимания.

В частности исторический генезис понятия и содержания вины наиболее полно рассмотрен в работе И.Я. Козаченко «Вина в уголовном праве». Вопрос о значении и методологических основах установления субъективной стороны преступления в свое время рассматривался П.С. Дагелем, Р.И. Михеевым. Вопрос о принципах уголовного права явился предметом исследования ряда авторов, в том числе: Н.А. Беляева, А.И. Бойко, Р.Р. Галиакбарова, Н.И. Загородникова, Б. Здравомыслова, С.Г. Келиной, Т.В. Кленова, Г.А. Кригера, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой и др. Проблемы субъективной стороны преступления в практике военных судов были разработаны А.А. Толкаченко, В.Т. Горобец.

Без сомнения все перечисленные работы внесли неоценимый вклад в теорию уголовного права.

Однако в настоящее время отсутствуют современные монографические исследования, посвященные комплексному изучению дискуссионных вопросов института вины, что в теории приводит к множеству мнений относительно понятия вины, законодательной регламентации ее форм, а на практике к возникновению трудностей квалификации преступлений по субъективной стороне.

В рамках главы второй дипломной работы нами также был проведен анализ субъективной стороны ст. 110 УК РФ, потому что именно она является одним из наиболее дискуссионных вопросов при квалификации деяния как «Доведение до самоубийства»: одни авторы исходят из того, что такое преступление может быть совершено только с косвенным умыслом; другие авторы считают возможным совершение этого преступления как с прямым, так и с косвенным умыслом; третья группа ученых считает, что

доведение до самоубийства возможно только по неосторожности; согласно четвертой позиции субъективная сторона доведения до самоубийства связана как с умышленной, так и с неосторожной виной. Последняя позиция на наш взгляд является наиболее верной, но обладает некоторыми спорными моментами: если мы признаем, что доведение до самоубийства возможно и с неосторожной формой вины, то получим состав, в котором и умысел и неосторожность будут обладать одинаковой мерой наказания. Указанная ситуация нарушает принцип дифференциации уголовной ответственности. Исходя из изложенного полагаем, что необходимо изложить ст. 110 УК РФ в новой редакции.

в дипломной работе мы постарались раскрыть вопрос о субъективной стороне второго альтернативного признака состава ст. 125 УК РФ, а именно поставление потерпевшего в опасность и оставлением в опасном для жизни или здоровья состоянии. Проанализировав судебную практику, мы пришли к следующему выводу: отграничивать оставление в опасности от смежных составов, правильно квалифицировать ст. 125 УК РФ по совокупности с другими составами необходимо в зависимости от наличия вины и ее формы при поставлении в опасность.

Второй параграф главы второй был посвящен вопросам формам вины в уголовном праве России и зарубежных стран, а так же правильности выяснения субъективной стороны преступлений в сфере общественной безопасности. Нами рассмотрены не все преступления гл. 27 УК РФ, а лишь те, трактовка субъективной стороны которых в теории уголовного права неоднозначна. К ним относятся преступления, предусмотренных ст. 263, 264, 266, 267, 269 УК РФ.

Указанные преступления являются сложными по составу, поэтому некоторые авторы пытаются относить их к преступлениям, которые совершаются с двойной формой вины.

Мы являемся сторонниками другой позиции и считаем, что нормы ст. 263, 264, 266, 267, 269 УК РФ содержат только неосторожную форму вины.

По итогам изучения вины и её формы, мы пришли к следующим выводам.

В целом анализ уголовного законодательства и доктрин современных стран показал, что в России принцип вины законодательно закреплён, но абсолютного характера не носит, а ограничивается такими институтами как институт особо опасного рецидива, судимости. Помимо этого, при раскрытии содержания форм вины некоторые интеллектуальные и волевые моменты презюмируются. Таким образом, в уголовном праве России существует альтернатива между оценочной и психологической концепцией вины.

Одним из вопросов института вины является природа вины при превышении пределов необходимой обороны. Изучив названный вопрос можно сказать о том, что при превышении пределов необходимой обороны у нас есть все основания утверждать о наличии «смешанной» природы вины, так как действительная сущность вины при превышении пределов необходимой обороны представляет собой результат взаимодействия «психологической» и «оценочной» концепции вины.

Другим вопросом является закрепление в уголовном законодательстве положений о преступлении, совершенном с двумя формами вины. Так, действующий УК РФ 1996 г. установил правила ответственности за преступления с двумя формами вины. Анализ литературы и судебной практики позволил сделать нам следующие выводы.

Преступление, совершенное с двумя формами вины, есть система структурных элементов, которые в рамках единого психического процесса отражают качественно определенное сочетание умышленного отношения виновного к основному составу преступления и неосторожного – к производным от него последствиям. Такие последствия повышают общественную опасность содеянного, и за факт их наступления должна быть предусмотрена повышенная уголовная ответственность;

Наличие преступлений, совершаемых с двумя формами вины, основано на сочетании признаков умысла и неосторожности. Никаких других, кроме этих, форм вины в уголовном праве нет.

Последнее предложение ст. 27 УК РФ сформулировано неточно. Преступления, о которых идет речь, являются умышленными не в целом, а лишь частично. Необходимо уточнить формулировку ст. 27 УК с тем, чтобы ее содержание было более понятным в первую очередь для практических работников.

Еще одним дискуссионным вопросом является редакция ч. 2 ст. 24 УК РФ, которая породила две точки зрения: если в диспозиции статьи не указано на совершение деяния по неосторожности, то такое преступление может быть совершенно как умышленно, так и по неосторожности; если в диспозиции статьи не указано на совершение деяния по неосторожности, то такое преступление может быть только умышленным.

Мы не можем согласиться ни с первой, ни со второй позицией. В первом случае неосторожное деяние будет признаваться преступлением и тогда, когда о неосторожности вообще нет никакого упоминания в диспозиции статьи, тем самым исчезает смысл введения ч. 2 ст. 24 УК и некоторые нормы Особенной части УК становятся не совсем понятными и вызывают сложности при квалификации.

Что касается второй позиции, то не ясен смысл изменений уголовного закона, которыми пытались устранить недоразумения, когда умышленными становились деяния, являющиеся по своей сути неосторожными.

Решить сложившуюся ситуацию можно следующим образом: первое, изменить ч. 2 ст. 24 УК либо вернуться к ее прежней редакции и, второе, в диспозиции статей Особенной части по мере необходимости внести указания на форму вины.

Законодательное закрепление форм вины также, на наш взгляд, нуждается в уточнении.

Так, совершая преступление с косвенным умыслом, лицо предвидит наступление ряда альтернативных последствий, одно из которых представляет собой тот самый идеальный результат, которого стремился достичь виновный (цель). Остальные последствия были для виновного лица не желательны, но он сознательно допускал эти последствия либо безразлично к ним относился. Как видно, обозначенный в ч. 3 ст. 25 УК РФ термин «не желал» не означает что лицо, совершая преступление с косвенным умыслом, действует вопреки своим желания, напротив, его воля направлена на то, чтобы совершить задуманное преступление, он желает наступления определенных последствий, которые являются по своей сути целью преступления, на остальные «побочные последствия» он дает свое заведомое «согласие».

Формула легкомыслия, предложенная законодателем, также имеет ряд спорных моментов.

Кроме этого, как известно, в нашей стране закреплен принцип субъективного вменения, но формула небрежности опровергает это утверждение и свидетельствует о том, что на практике не возможно обойтись без вменения объективного.

На основании чего считаем, что ст. 5 нуждается в уточнении и законодательном закреплении принципа объективного вменения, а также случая его применения.

Что касается принципа вины в процессе квалификации некоторых преступлений, то нами были проанализированы такие составы, как п. «г» ч. 2 ст. 105, ст. 110, ст. 125 УК РФ.

Так, в теории достаточно спорным является вопрос о квалификации действий лица, когда оно при убийстве ошибочно полагало, что женщина беременна.

Мы согласны с теми учеными и практиками, которые считают, что действия виновного в случае его ошибочного представления о свойствах

личности потерпевшей должны быть квалифицированы исходя из мотивов совершения преступления: если виновный убивает женщину полагая, что она беременна, но мотивом убийства является не ее состояние, то квалифицировать необходимо по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Тем более, что беременной она все же не являлась; в другой ситуации, когда мотивом преступления является именно беременность, хотя бы и предполагаемая, то действия виновного необходимо оценивать по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел 1. Нормативные правовые акты и иные официальные акты

- 1 Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
- 2 Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 27.07.2009 № 215–ФЗ // Российская газета. – 2009. – 30 июля.
- 3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- 4 Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г.» от 22.11.1926 // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
- 5 УК РСФСР от 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
- 6 Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие УК РСФСР» // СУ РСФСР. – 1922. – № 15.
- 7 Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. – <http://law.eu.ru/norm/norm>
- 8 Уголовный кодекс Узбекистана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug
- 9 Уголовный кодекс Литвы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?norm>
- 10 Уголовный кодекс Латвийской республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/no>
- 11 Уголовный кодекс Казахстана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://online.zakon.kz/document/>

- 12 Уголовный кодекс Таджикистана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://imom-mahdi.okis.ru/news>
- 13 Уголовный кодекс Республики Молдова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/>
- 14 Уголовный кодекс Кыргызстана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru>
- 15 Уголовный кодекс Узбекистана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?n>
- 16 Уголовный кодекс Израиля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookI>
- 17 Уголовный кодекс Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normI>
- 18 Уголовный кодекс Франции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID>
- 19 Уголовный кодекс Австралии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?>
- 20 Уголовный кодекс Республики Болгария. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.a>
- 21 Уголовный кодекс Японии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?>
- 22 Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/>
- 23 Уголовный кодекс Турции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=12>

Раздел 2 Литература

- 24 Бабурин, В. Уголовно-правовая оценка правомерного причинения вреда / В. Бабурин // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 7–9.
- 25 Бавсун, М. Влияние направленности умысла на квалификацию убийств, совершаемых при отягчающих обстоятельствах / М. Бавсун, Н. Вишнякова // Уголовное право. 2006. – № 1. – С. 7–10.
- 26 Бавсун, М.А. Целесообразность в уголовном праве / М.А. Бавсун, А.И. Марцев // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 104–106.
- 27 Бавсун, М.Б. Проблемы виновного вменения за преступления совершаемые по неосторожности / М.Б. Бавсун, С.В. Векленко // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 127–134.
- 28 Бавсун, М.В. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве / М.В. Бавсун, С.В. Векленко, М.Б. Фаткуллина // Известия вузов. Правоведение. – 2006. – № 4. – С. 125–134.
- 29 Балашов, К.С. К вопросу о видах и формах вины / К.С. Балашов // Российский Судья. – 2007. – № 1. – С. 24–26.
- 30 Белик, И.А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности: автореферат дисс. ... канд. психол. наук / И.А. Белик. – СПб., 2006. –
- 31 Беляев, Н.А. Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / Н.А. Беляев. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. – 606 с.
- 32 Бородин, Е.С. Общие черты и различия легкомыслия и небрежности как видов неосторожности / Е.С. Бородин // Закон и право. – 2010. – № 2. – С. 86–87.

- 33 Векленко, С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко. – Омск: Омская академия МВД России, 2002. – 192 с.
- 34 Векленко, С.В. Сущность, содержание и формы вины в уголовном праве / С.В. Векленко // Правоведение. – 2002. – № 6. – С. 129–140.
- 35 Ворошилов, Е.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1 / Е.В. Ворошилов, Г.А. Кригер. – Владивосток: Закон и право, 1999. – 544 с.
- 36 Галиакбаров, Р.Р. Уголовное право. Общая часть / Р.Р. Галиакбаров. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. аграр. ун-та, 1999. – 280 с.
- 37 Гарбатович, Д. Природа вины при превышении пределов необходимой обороны / Д. Гарбатович // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 18–20.
- 38 Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М: ОАО ЦентрЮрИнфор, 2003. – 559 с.
- 39 Дагель, П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве / П.С. Дагель. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1968. – 243 с.
- 40 Дагель, П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве / П.С. Дагель // Известия ВУЗов. Правоведение. – 1969. – № 1. – С. 78–80.
- 41 Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П.С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – 244 с.
- 42 Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М.: БЕК, 1975. – 184 с.
- 43 Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / В.Н. Додонов. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2009. – 446 с.

- 44 Дубовиченко, С.В. Понятие умышленной вины и ее сущность / С.В. Дубовиченко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 72. – С. 114–117.
- 45 Дугин, А.Т. Проблема умышленной вины в уголовном кодексе РФ / А.Т. Дугин // Российский следователь – 2009. – № 19. – С. 11–13.
- 46 Дядюн, К. Квалификация убийства женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности / К. Дядюн // Уголовное право. – 2011. – №3. – С. 21–25.
- 47 Есаков, Г.А. Осознание как компонент интеллектуального элемента умысла: дискуссионные вопросы / Г.А. Есаков, А.В. Рагулина, И.А. Юрченко // Государство и право – 2004. – № 6. – С. 24–30.
- 48 Жалинский, А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 560 с.
- 49 Здравомыслов, Б. Формы вины и их регламентация в уголовном законодательстве / Б. Здравомыслов, М. Гельфер, В. Нерсесян // Советская юстиция. – 1981. – № 15. – С. 25–26.
- 50 Иванов, Г. Умысел в уголовном праве / Г. Иванов // Российская юстиция. – 1995. – № 12. – С. 16–18.
- 51 Иванов, И.С. К вопросу соотношения форм вины и их основных признаков / И.С. Иванов // Российский следователь. – 2005. – № 11. – С. 18–23.
- 52 Иванов, Н. Ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения / Н. Иванов // Законность. – 1998. – № 3. – С. 43–45.
- 53 Калинин, А. Обусловленность уголовной ответственности за доведение до самоубийства / А. Калинин // Законность. – 2007. – № 5. – С. 45–47.
- 54 Капинус, О.С. Современное уголовное право России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей / О.С. Капинус. – М.: «Буквовед», 2008. – 364 с.

- 55 Келина, С.Г. Принципы советского уголовного права / С.Г. Келина. – М: Наука, 1988. – 176 с.
- 56 Кириенко, М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук / М.С. Кириенко. – Челябинск, 2014. – 212 с.
- 57 Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: результаты экспертного опроса / Е.В. Кобзева, Н.А. Лопашенко // Известия Вузов. Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 95–97.
- 58 Ковалев, М.И. О технике уголовного законодательства / М.И. Ковалев // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 142–146.
- 59 Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении / М.И. Ковалев. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – 204 с.
- 60 Козаченко, И.Я. Вина в уголовном праве / И.Я. Козаченко. – Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1993. – 40 с.
- 61 Козлов, А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб: Юридический центр пресс, 2003. – 819 с.
- 62 Козочкин, И.Д. Строгая ответственность в уголовном праве Англии и США / И.Д. Козочкин // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 136–149.
- 63 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Н. Радченко. – М.: Зерцало, 2000. – 897 с.
- 64 Королев, А.Н. Комментарий к Правилам дорожного движения РФ / А.Н. Королев. – М.: НОРМА, 2006. – 576 с.
- 65 Крастиныш, У. Субъективная сторона в структуре сложных единичных преступлений / У. Крастиныш. – М.: ЛексЭст, 2004. – 421 с.
- 66 Критический словарь психоанализа / под ред. С.М. Черкасова. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1995. – 250 с.
- 67 Кузнецова, Н.Ф. Курс уголовного права в пяти томах. Том 1. Общая часть / Н.Ф. Кузнецова, И.М. Тяжкова. – М.: Зерцало, 2002. – 592 с.

- 68 Кузнецова, Н.Ф. О законодательной технике в уголовном праве / Н.Ф. Кузнецова // Вестник МГУ Серия 11 «Право». – 2004. – № 4. – С. 41–45.
- 69 Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений / Б.А. Куринов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. – 181 с.
- 70 Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.1 / под ред. Н.А. Беляева. – Л., 1968. – 648 с.
- 71 Кухтина, Т.В. К вопросу о признаках соучастия / Т.В. Кухтина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право» – 2009. – № 40. – С. 58–61.
- 72 Лекшас, И. Вина как субъективная сторона преступления / И. Лекшас. – М.: Юридическая литература, 1958. – 167 с.
- 73 Лопашенко, Н.А. Недостатки законодательной техники уголовного кодекса России как препятствие для его эффективного применения и криминогенный фактор / Н.А. Лопашенко // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III научно – практической конференции. – М.: ЛексЭст, 2004. – С. 40.
- 74 Лунеев, В.В. Субъективное вменение / В.В. Лунеев. – М.: Спарк, 2000. – 70 с.
- 75 Малиновский, А.А. Принципы уголовного права (сравнительно – правовой анализ) / А.А. Малиновский // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 4. – С. 27–30.
- 76 Малков, В.П. Субъективные основания уголовной ответственности / В.П. Малков // Государство и право. – 2001. – № 8. – С. 45–48.
- 77 Маркунцов, С.А. Осознание как признак интеллектуального элемента умышленной формы вины (на примере преступлений несовершеннолетних) / С.А. Маркунцов // Право и государство: теория и практика. – 2007. – № 3. – С. 118–124.

- 78 Марцев, А.И. Общие вопросы учения о преступлении / А.И. Марцев. – Омск: Омский юрид. институт МВД России, 2000. – 136 с.
- 79 Мاستинский, М.З. Применение законодательства о необходимой обороне и превышении ее пределов (по результатам обобщения следственной и судебной практике) / М.З. Мاستинский, Д.Е. Семенов, Е.Ю. Юшкова, Ю.Н. Юшков // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 80–89.
- 80 Мацнев, Н.И. Закон об уголовном праве Израиля / Н.И. Мацнев. – СПб: Юридический центр пресс. – 2005. – 412 с.
- 81 Мирошниченко, Н.В. Субъективная сторона преступлений, связанных с нарушением специальных правил безопасности / Н.В. Мирошниченко // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2012. – № 2(25). – С. 108–112.
- 82 Назаренко, Г.В. Вина в уголовном праве / Г.В. Назаренко // Известия ВУЗов. Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 157–161.
- 83 Наумов, А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 710 с.
- 84 Нерсесян, В.А. Неосторожная вина: проблемы и решения / В.А. Нерсесян // Государство и право. – 2000. – № 4. – С. 59–70.
- 85 Нерсесян, В.А. Понятие и формы вины в уголовном праве / В.А. Нерсесян // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 67–82.
- 86 Неустроева, А.В. О некоторых закономерностях познания субъективной стороны преступления / А.В. Неустроева // Закон и право. – 2011 – № 8. – С. 60–62.
- 87 Никитина, Н.А. Развитие понятия преступления с двумя формами вины / Н.А. Никитина // Правоведение. – 2007 – № 4. – С. 101–107.
- 88 Никитина, Н.А. Укрепление правопорядка и Борьба с преступностью. Преступление с двумя формами вины и действующее законодательство / Н.А. Никитина // Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 79–81.

- 89 Никифоров, Б.С. Субъективная сторона в формальных преступлениях / Б.С. Никифоров // Советское государство и право. – 1971. – № 3. – С. 115–120.
- 90 Нуркаева, Т.Н. Некоторые проблемы квалификации убийства, совершенного с отягчающими обстоятельствами / Т.Н. Нуркаева // Российский судья. – 2004. – № 7. – С. 27–28.
- 91 Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2004. – 944 с.
- 92 Паньков, И.В. Вопросы законодательного регулирования умышленной вины / И.В. Паньков // Право и политика. – 2008. – № 4. – С. 941–945.
- 93 Паньков, И.В. Концептуальная и логическая характеристика вины в уголовном праве / И.В. Паньков // Современное право. – 2007. – № 10 (1). – С. 53–55.
- 94 Петелин, Б. Вина как объект доказывания / Б. Петелин // Советская Юстиция. – 1982. – № 12. – С. 18–19.
- 95 Пикуров, Н. Отграничение состава дорожно-транспортного преступления от смежных составов преступлений / Н. Пикуров // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 61–63.
- 96 Пинчук, В.И. Вина: Учеб пособие / В.И. Пинчук. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского юридического ин-та Ген. Прокуратуры РФ, 1998. –
- 97 Пионтковский, А.А. Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. – М.: Юридическая Литература, 1961. – 666 с.
- 98 Питецкий, В.В. Об интеллектуальном и волевом моменте преступной небрежности / В.В. Питецкий // Государство и право. – 2006. – № 7. – С. 105–108.
- 99 Плотников, А.И. Принцип вины и его реализация в уголовном законодательстве / А.И. Плотников // 5 лет действия УК РФ: итоги и

- перспективы. Материалы 11 международной научно-практической конференции, состоявшейся 30–31 мая 2002 г. – 64 с.
- 100 Познышев С.В. Основные начала уголовного права / С.В. Познышев. – М.: Издание А.А. Карцева, 1912 г. – 668 с.
- 101 Попов, И. Указание в диспозиции уголовно – правовой нормы на форму вины / И. Попов // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 46–48.
- 102 Поцелуев, Е.Л. Понятие вины в российской дореволюционной энциклопедии права / Е.Л. Поцелуев // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2007. – № 5. – С. 184–193.
- 103 Практикум по уголовному праву. Части Общая и Особенная: учебное пособие / под ред. Л.Л. Кругликов. – М.: Проспект, 2011. – 501 с.
- 104 Практический комментарий к УК РФ / под ред. Х.Д. Аликперова, Э.Ф. Побегайло. – М.: Зерцало, 2001. – 864 с.
- 105 Проценко, С.В. Значение общественно опасных последствий в составе транспортного преступления / С.В. Проценко // Уголовное право. – 2008. – № 1. – С. 55–58.
- 106 Пудовочкин, Ю.Е. Содержание субъективной стороны в преступления с двойной формой вины / Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права, 2000. – № 4. – С. 80–83.
- 107 Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2003. – 183 с.
- 108 Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений / А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2006. – 227 с.
- 109 Рарог, А.И. Общая теория вины в уголовном праве / А.И. Рарог. – М.: Норма, 2003. – 184 с.
- 110 Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.С. Комиссарова. – СПб.: Питер, 2005. – 502 с.
- 111 Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2007. – 720 с.

- 112 Сабитов, Р.А. Вопросы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности / Р.А. Сабитов. – Челябинск: ЧГУ, 1998. – С. 146–148.
- 113 Сахаров, А.Б. Об антисоциальных чертах личности преступника / А.Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1970. – № 10. – С. 110–116.
- 114 Ситникова, А.И. Правоприменительные фикции при ошибки в свойствах потерпевшей / А.И. Ситникова // Юридический мир. – 2007. – № 4. – С. 29–31.
- 115 Скляр, С. Проблемы определения понятия вины в уголовном праве России / С. Скляр // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 71–74.
- 116 Скляр, С.В. Вина и мотивы преступного поведения / С.В. Скляр. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2001. – 326 с.
- 117 Смирнов, В.А. К вопросу о соотношении категорий «вина» и «цель» преступления / В.А. Смирнов // Вестник Томского Государственного Университета. – 2011. – № 349. – С. 134–137.
- 118 Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Т. 1 / Н.С. Таганцев. – Тула: Автограф, 2001. – 688 с.
- 119 Тельянов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельянов. – М.: Юридическая литература, 1974. – 114 с.
- 120 Тихонов, К.Ф. Субъективная сторона преступления / К.Ф. Тихонов. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1967. – 119 с.
- 121 Трухин, А.М. Регламентация вины в новом уголовном кодексе Российской Федерации / А.М. Трухин // 5 лет действия УК РФ: итоги перспективы. Материалы 11 международной научно-практической конференции, состоявшейся 30-31 мая 2002 г. – С. 238–242.
- 122 Уголовное право зарубежных государств / под ред. Ф.М. Решетникова. – М.: Изд-во УДН, 1972. – С. 117.

- 123 Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М.: Норма, 1996. – 535 с.
- 124 Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова. – М.: Юнити-Дана, 1997. – 348 с.
- 125 Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. И.Я. Козаченко. – М.: Норма, 2004. – 516 с.
- 126 Уголовный кодекс Австрии / под ред. Н.Е. Крыловой. – М.: ИКД «Зерцало - М», 2001. – 250 с.
- 127 Уголовный кодекс ФРГ / под ред. А.В. Серебренниковой. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. – 340 с.
- 128 Уколова, Ю.А. Форма вины при доведении до самоубийства / Ю.А. Уколова // Российский следователь. – 2007. – № 12. – С. 18–21.
- 129 Утевский, Б.С. Вина в советском уголовном праве / Б.С. Утевский. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 319 с.
- 130 Филимонов, В. Теоретические проблемы учения о вине / В. Филимонов // Уголовное право. – 2004. – № 9. – С. 69–71.
- 131 Филимонов, В.Д. Общественная опасность личности преступника / В.Д. Филимонов. – Томск, 1970. – 277 с.
- 132 Философский энциклопедический словарь / под ред. Е.Ф. Губского. – М.: ИНФРА – М, 1997. – 635 с.
- 133 Шавгулидзе, Т.Г. Уголовно-правовое значение аффекта / Т.Г. Шавгулидзе. – М.: МГУ, 1974. – 108 с.
- 134 Шаргородский, М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. – 860 с.
- 135 Шнейдер, М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву / М.А. Шнейдер. – М.: ВЮЗИ, 1958. – 98 с.
- 136 Энциклопедия уголовного права. Т. 4 / под ред. В.Б. Малинина – СПб.: Изд-во проф. Малинина, 2005. – 847 с.

- 137 Якушин, В. Соотношение цели преступления с интеллектуальными моментами умысла / В. Якушин, С. Дубовиченко // Уголовное право – 2006. – № 6. – С. 60–63.
- 138 Якушин, В.А. Ошибка в уголовном праве и ее влияние на пределы субъективного вменения (теоретические аспекты) / В.А. Якушин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=180>
- 139 Якушин, В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение / В.А. Якушин. – Казань: Издательство Казанского университета, 1988. – 128 с.
- 140 Яни, П. Сложные вопросы субъективной стороны преступления / П. Яни // Российская юстиция. – 2002. – № 12. – С. 47–49.

Раздел 3 Постановление высших судебных инстанций и материалы юридической практики

- 141 Постановление КС РФ от 19.03.2003 № 3 – П. Особое мнение судьи КС РФ Витрука Н.В. // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 3.
- 142 Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» от 09.12.2008 // Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 143 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. – 09.02.1999. – № 24.
- 144 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29.04.1996 // Российская газета. – 01.03.2007. – № 95.

- 145 Постановление Президиума ВС РФ № 112 – П09. Обзор судебной практики ВС РФ за III квартал 2009 года // Бюллетень ВС. – 2010. – № 2. – С. 24.
- 146 Постановление Президиума Верховного Суда РФ «Об исключении из приговора осуждения по ч. 3 ст. 30, п. г ч. 2 ст. 105 УК РФ и указания о признании отягчающим обстоятельством рецидива преступлений» от 09.06.2004 № 361п04пр // Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 147 Дело № 10–243/2016 ... из архива Челябинского областного суда за 2016 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 148 Дело № 10–3006/2015 ... из архива Челябинского областного суда за 2015 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 149 Дело № 10–1685/2015 ... из архива Челябинского областного суда за 2015 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 150 Дело № 10–6222/2015 ... из архива Челябинского областного суда за 2015 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 151 Дело № 10–4897/2014 ... из архива Челябинского областного суда г. Челябинска за 2014 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 152 Дело № 10–1941/2014 ... из архива Челябинского областного суда за 2014 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 153 Дело № 10–3800/2013 ... из архива Челябинского областного суда за 2013 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 154 Дело № 10–3072/2013 ... из архива Челябинского областного суда за 2013 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 155 Дело № 10–3639/2013 ... из архива Челябинского областного суда за 2013 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 156 Дело № 22–1475/2013 ... из архива Челябинского областного суда за 2013 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 157 Дело № 22–3607/2012 ... из архива Челябинского областного суда за 2012 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»

- 158 Дело № 22–1088/2012 ... из архива Челябинского областного суда за 2012 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 159 Дело № 22–1140/2011 ... из архива Челябинского областного суда за 2011 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 160 Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (IV квартал 2008 года (19)) // Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 161 Дело № 1–16/2013 ... из архива Катав-Ивановского городского суда Челябинской области за 2013 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 162 Дело № 1–30/2012 ... из архива Нязепетровского районного суда Челябинской области за 2012 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 163 Дело № 2–72/2012 ... из архива Московского областного суда за 2012 г.
- 164 Дело по обвинению Шишишкина Е.Е. ... из архива Иркутского областного суда за 2011 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»
- 165 Приговор Карпинского городского суда Свердловской области от 26 февраля 2010 г. // Официальный сайт Карпинского городского суда Свердловской области.
- 166 Постановление президиума Московского городского суда от 04 апреля 2002 г. по делу Кузина // БВС РФ. – 2003. – № 4. – С. 17.
- 167 Дело № 1–89/2001 ... из архива Южноуральского городского суда Челябинской области за 2001 г.// Доступ из СПС «Консультант Плюс»

Раздел 4 Электронные ресурсы

- 168 Областной суд признал, что житель Коркино защищал себя и свою семью. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=n_press_rel&nid=248
- 169 Добрые убийцы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/11/20/samooborona.html>

- 170 Новости Прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://procrf.ru/news/103279-pered-sudom-predstanet-mat.html>
- 171 Прокуратура Пермского края. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prokuror.perm.ru/news/2009/07/>
- 172 Владимирские ведомости, 2009, № 103. – <http://www.promreview.net/vl>
- 173 Прокуратура республики Татарстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-58511>
- 174 Следственный комитет Р.Ф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sledcom.ru/news/48243.h>
- 175 Законопроект об усилении уголовной ответственности за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/>